

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам XLIX-L международной
научно-практической конференции*

№ 5-6 (46)
Июнь 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, редактор переводческой компании ООО «Аспект-Украина».

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — д-р. философии по искусствоведению, рецензент НП "СибАК", Украина.

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна — канд. филос. наук, рецензент НП "СибАК".

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шахметова Венера Рюзальевна — канд. ист. наук, доц. кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ), доц. кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарного педагогического университета (ПГГПУ).

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам XLIX-L междунар. науч.-практ. конф. № 5-6 (46). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 116 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. История и теория политики	6
ФУНКЦИЯ ПОЛЕЗНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ Елацков Алексей Борисович	6
1.2. Политический менеджмент	11
ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ: ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Худяков Андрей Валерьевич	11
Секция 2. Социология	17
2.1. Социология личности	17
ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ: КЛАССИФИКАЦИЯ, ТИПОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМЫ Маликова Елена Васильевна	17
2.2. Социология коммуникаций	23
ЭТНО-ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СТУДЕНЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ: ОТ МОДЕРНА ДО НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА Окладникова Елена Алексеевна Перевезев Михаил Андреевич	23
Секция 3. Философия	31
3.1. Философия и ее роль в современном обществе	31
ЭТИКА ЛЕВИНАСА — ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ РЕЛИГИИ И ФИЛОСОФИИ Славова Веселина Христова	31
3.2. Социальная философия	37
ГОРОД В ПОВСЕДНЕВНОМ СОЗНАНИИ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ Ивенкова Ольга Александровна	37

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА Плотников Андрей Андреевич	42
3.3. История философии	46
СВЯТАЯ РУСЬ И РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ Бедаев Александр Иванович	46
ШЕФТСБЕРИ И ХАТЧЕСОН КАК ТЕОРЕТИКИ МОРАЛЬНОГО ЧУВСТВА Зеленский Олег Александрович	51
3.4. Онтология и теория познания	57
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПЕРВИЧНАЯ ДАННОСТЬ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ Баранов Станислав Трофимович	57
СИМВОЛИЧЕСКОЕ В ВОСПРИЯТИИ ДАННОСТИ Воронина Наталья Николаевна	64
Секция 4. История	70
4.1. История России	70
КОРЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ КАДРОВ В РЫБНОМ ХОЗЯЙСТВЕ САХАЛИНА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ Кожемяко Евгения Геннадьевна	70
СОВМЕСТНЫЕ БРАЧНЫЕ ПРАКТИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ УКРАИНСКОГО НАРОДОЛЮБИЯ И РОССИЙСКОГО НАРОДНИЧЕСТВА (ЧЕТА КОВАЛЕВСКИХ) Никитенко Анастасия Игоревна	77
ВОЛГОГРАД ИЛИ СТАЛИНГРАД? СПОРЫ ОБ ИМЕНИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ Терехова Софья Алексеевна Стегленко Елена Владимировна	83

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭВАКОГОСПИТАЛЯ № 2929 ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В Г. НИЖНЕМ ТАГИЛЕ (1945—1950 ГГ.) Тицкий Николай Андреевич	91
УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ И ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ Шаяхметова Венера Рюзальевна	97
4.2. Всемирная история	103
К ВОПРОСУ ИЗУЧЕННОСТИ ЖИЗНИ ЧЕРКЕСОВ ЗАРУБЕЖНЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ Мусукаев Александр Ибрагимович	103
4.3. Книговедение и библиотековедение	109
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБСЛУЖИВАНИИ: ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК Захарова Наталия Борисовна	109

СЕКЦИЯ 1.
ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

**ФУНКЦИЯ ПОЛЕЗНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Елацков Алексей Борисович

*канд. геогр. наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного университета,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: elatskov@mail.ru*

**UTILITY FUNCTION IN THE CONTEXT
OF GEOPOLITICAL RELATIONS**

Alexey Elatskov

*candidate of geographical sciences, associate professor
of St. Petersburg State University,
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

Рассматривается применимость модели предельной полезности к политическим и геополитическим отношениям с точки зрения их оценки. Обсуждаются качественно различные интервалы и точки перегиба функции. Обозначена существенная роль фактора географического положения.

ABSTRACT

Applicability of model of marginal utility to the political and geopolitical relations from the point of view of their assessment is considered. Qualitatively various intervals and inflection points of the function are

discussed. The essential role of a factor of a geographical location is designated.

Ключевые слова: предельная полезность; геополитика; политические отношения.

Keywords: marginal utility; geopolitics; political relations.

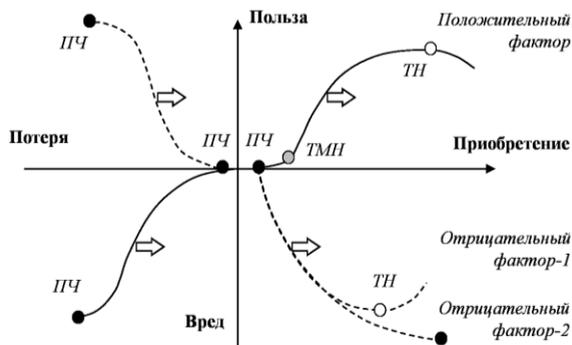
Элементарным объектом политической географии и геополитики может рассматриваться геополитическое отношение, складывающееся между политической деятельностью и условиями географического пространства [2]. Вся многообразная совокупность таких отношений представляет собой геополитическое пространство. Вместе с тем любое геополитическое отношение синтезируются из имманентных ему географических и политических отношений [1]. Одним из ключевых аспектов политических отношений является политическая оценка как соотносящихся сторон, так и самих отношений.

Оценочные шкалы политических отношений могут быть разными: выгода-потеря, дружелюбность-враждебность, кооперация-конкуренция, полезность-вредность, сотрудничество-соперничество, желательность-нежелательность, превосходство-отставание и т. п. В общем случае их можно рассматривать в диапазоне от «отрицательных» (-1...0) до «положительных» (0...+1) оценок по тому или иному основанию. Для получения численных значений (квантификации) могут использоваться экспертные методы (например, семантический дифференциал). Определение ранга (веса) каждой такой оценки в интегральной шкале увязывается с политическими интересами и общей политической обстановкой (контекстом). Последнее обстоятельство следует подчеркнуть. Оно означает, например, что слабоотрицательные отношения могут выглядеть положительными на фоне более серьезной угрозы и наоборот. Важную роль оценки играют и в рамках геополитики, где они распространяются на геополитические отношения. Хотя отрицательные отношения и препятствуют реализации интересов субъекта, тем не менее с объектом этих отношений возможно даже сотрудничество (в узкофункциональном положительном срезе). Отношения конкуренции по одному вопросу часто сосуществуют с отношениями кооперации по другому вопросу между одними и теми же субъектами геополитики. Более того, сами отношения конкуренции могут быть асимметричны (конфликт «с ненулевой суммой»). Шкалы оценки одних и тех же отношений может быть много. В частности, отношение подчиненности может рассматриваться и как отрицательное, и как положительное в зависимости от контекста и политических ценностей.

Возникает ориентированная шкала, зависящая от того, кто является субъектом господства (власти). Оценочные шкалы непостоянны в историческом времени и нелинейно изменяются с изменением величины оцениваемого фактора и политики субъекта.

В общем случае оценочные шкалы подчиняются закону убывающей предельной полезности (*marginal utility*), первоначально сформулированному психологами и экономистами. Примерная функция полезности имеет степенной вид: $u(x)=ax^{0.5}$. Ряд авторов предлагает иные математические формулы, но в нашем случае это не принципиально. Так, аналогичный по смыслу «основной психофизиологический закон» Вебера-Фехнера (1860) имеет логарифмический вид. Предельная полезность представляется первой производной от данной функции. Это означает, что каждая последующая приобретенная единица положительного фактора имеет меньшую политическую ценность, чем предыдущая. Например, каждая новая военная база в некотором регионе. Причины уменьшения добавленной полезности могут быть разными. Например, уменьшение риска военного поражения, уменьшение удельного поля влияния баз, рост удельных логистических расходов и т. д. Однако из этого примера видно, что в политических отношениях убывающая добавленная полезность никак не объясняется мнимым увеличением риска, на чем настаивают многие авторы экономических моделей. В ряде моделей при достижении определенного предела добавленная полезность становится даже отрицательной, то есть новая единица фактора приносит вред вместо пользы. Также следует учитывать порог чувствительности: слишком малое количество фактора может не иметь никакой полезности. Так, руины форта почти не имеют военного значения. Целостные же объекты обладают внутренней инверсией предельной полезности: если форт построен, но не вооружен по нормативам, то каждая следующая пушка будет иметь большую полезность вплоть до полного укомплектования сооружения, чтобы оно вступило в строй как самостоятельная боевая единица. В ряде случаев функция имеет инверсию в начальной части: вплоть до точки перегиба предельная полезность возрастает. Эту точку можно назвать точкой минимального накопления (см. рисунок). Действительно, бессмысленно прикрывать столицу единственной батареей ПВО с одного направления. В идеальном случае надо иметь кольцо таких батарей. Урон же от возможной потери фактора в целом изменяется наоборот: каждая последующая потерянная единица имеет большую ценность, чем предыдущая (то есть ее потеря приносит больший вред), что можно сопоставить функции: $u(x)=-ax^2$. Это происходит вплоть до достижения некоторого порога чувствительности, когда дальнейшие

потери уже не имеют значения. Вместе с тем известно, что, как полезность, так и вредность субъективно убывают по мере отсрочки проявления предполагаемого результата воздействия фактора, что может стимулировать как политические авантюры, так и бездействие.

⇒ - отклонение функции при учете географических различий

Рисунок 1. Примерный вид функций политической полезности и вредности (ТН — точки насыщения; ПЧ — пороги чувствительности; ТМН — точка минимального накопления)

Наличие же отрицательных факторов должно выражаться в «зеркальной» функции «предельной вредности». Правда, для нее характерна природно-общественная двойственность. Так, для отрицательного природного фактора функция вредности является, как правило, монотонной. Но для фактора, связанного с наличием конкурента, после достижения определенного предела функция может иметь перегиб, то есть приносить относительную пользу (см. рисунок). Яркий пример — провоцирование гонки вооружений администрацией Р. Рейгана, призванной подорвать экономическую устойчивость СССР. В экономике в подобном свете рассматривается демпинг. Но рассмотренные случаи являются идеализацией, где фактор имеет исключительно положительное или отрицательное значение. В действительности такая однозначность встречается редко. Так, новая зарубежная военная база приносит не только стратегическое преимущество, но требует и огромных расходов на свое поддержание, не всегда адекватных получаемому приросту политической полезности. В 2012 г. Россия отказалась от использования Габлинской РЛС (Азербайджан) именно ввиду 42-кратного повышения арендной платы. Но сделать такой шаг относительно безболезненным позволил заблаговременный ввод в эксплуатацию новой РЛС на территории

России, то есть дублирование резко снизило полезность первой станции. Другими словами, при принятии решения субъект соотносит затраты на приобретение фактора с приростом его полезности. В целом, разница в функциях предельных полезностей разных акторов имеет большое значение для выработки стратегий конкуренции, поиска компромиссов и построения коалиций.

Однако в геополитическом плане функция предельной политической полезности осложняется множеством географических факторов. Проявляется синтез политических отношений с географическими. Так, новая зарубежная военная база действительно имеет меньшую политическую ценность, но только в том случае, если она находится на том же стратегическом театре или дублирует имеющиеся по своим задачам. В то же время другой стратегический театр может остро нуждаться хотя бы одной аналогичной базе и потому ее полезность будет не менее, а может и более, высока. Кроме того, очень много в оценке полезности зависит от географического положения и ориентации конкретного объекта. Так, британская военная база Гибралтар, запирающая Средиземное море, была куда ценнее любой базы в том же регионе, но находящейся в стороне от главных морских путей. Говоря экономическими терминами, «эластичность спроса» на нее будет низкой. Аналогичные рассуждения можно привести почти для любого политического фактора в его географической конкретизации. Иными словами, индивидуализирующая роль уникального географического положения приводит к тому, что каждая новая единица фактора не является, в строгом смысле слова, «тем же самым» фактором, если имеет другое географическое положение. Соответственно, при учете географических различий график функции отклоняется вправо (см. рисунок). Более того, полезность оказывается не трансферабельной: для иного актора, находящегося в другом регионе, полезность локализованного фактора при его передаче (например, смене арендатора военной базы) может оказаться иной (как большей, так и меньшей), даже без учета его индивидуальных предпочтений. Так, именно из-за своей направленности на Европу, бывшая советская РЛС в Скрунде (Латвия) никакой пользы НАТО не приносила и в 1999 г. была ликвидирована.

Список литературы:

1. Елацков А.Б. Политическое геопространство как объект исследования. III. Пространство геополитических отношений // Вестн. СПб. ун-та. — Сер. 7. — 2013. — Вып. 4. — С. 152—161.
2. Каледин Н.В. Политическая география. СПб., 1996. — 163 с.

1.2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ: ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Худяков Андрей Валерьевич

*главный специалист Министерства внутренних дел Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: ternovnik2008@bk.ru*

INFORMATION ACTIVITIES OF POLITICAL MANAGEMENT: PHILOSOPHICAL-POLITICAL ANALYSIS

Andrei Khudyakov

*chief specialist of the Ministry of Internal Affairs of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk*

АННОТАЦИЯ

В статье через анализ содержания понятий «деятельность», «потребность» дана характеристика информационной деятельности, информационной деятельности в политическом управлении.

ABSTRACT

This article through the analysis of the concept of «activity», «need» the characteristic of the information activities, information activities in the political management.

Ключевые слова: деятельность; потребность; информационная потребность; информационная деятельность; политическое управление.

Keyword: activities; need; information needs; information activities; political governance.

Отдельные аспекты феномена информации в обществе, информационной деятельности (далее - ИД), являлись предметом изучения различных научных дисциплин. Результаты исследований,

с одной стороны, способствовали признанию ИД атрибутивным признаком человека, с другой, показали раздробленность ИД в различных ее проявлениях. Актуализировалась необходимость формирования целостного представления об информационной деятельности, в том числе и в сфере политики.

Решение данной задачи предполагает через анализ общего содержания понятий «деятельность», «взаимодействие», «потребность» выйти на формирование понятия «информационная деятельность» в конкретной сфере.

Общее в понимании деятельности как философской категории сводится к восприятию ее как способа взаимодействия человека с человеком (окружающей средой), противопоставлением субъекта и объекта деятельности. В информационном процессе ее сущность заключается в том, что человек как субъект противопоставляет себе информацию как объект деятельности, которая в результате воздействия приобретает новую форму и свойства.

С понятием «деятельность» неразрывно связано понятие «потребность». Процесс его активного философского осмысления был обусловлен возросшим вниманием к проблеме человека, среды его обитания. Сущность понятия «потребность» сводилось к пониманию его как противоречия, побуждающего субъект принять определенные действия по его снятию.

Субъект осознает удовлетворение потребности как конечную цель своей деятельности. Ее успешность зависит от правильности постановки цели, предполагающей поиск эффективных средств и путей ее достижения. Поиск средств актуализирует для субъекта поиск и получение необходимой информации. В качестве источника ее получения выступает процесс обмена информацией. Вариативный характер деятельности, возникающая при этом необходимость выбора, порождают у субъекта потребность в получении информации, то есть формирует особую потребность — информационную. Именно она является движущей силой информационной деятельности.

Процесс взаимодействия между субъектами побуждает их к обмену информацией, к организации обмена как процесса, чем определяет сущность информационной потребности [1, с. 26]. Отсутствие мотива либо недостаточная мотивация к поиску информации сводит к минимуму возможность организации между субъектами информационного взаимодействия. Информационная потребность является доминирующей среди других потребностей, что определяет приоритет ИД над другими видами деятельности. Только реализация в процессе ИД субъектом своей информационной потребности является

основанием для совершения действий, направленных на удовлетворение иных потребностей.

Дифференциация и интеграция наук в XX веке оказали влияние на рост информационных потребностей и информационных потоков, способствовали функциональному расслоению и межотраслевому рассеиванию информации. Необходимость преодоления противоречий в информационной сфере, формирования научного подхода к организации труда, создания информационной индустрии, способной удовлетворить возрастающие запросы — все это оказало влияние на формирование теоретико-методологических основ ИД как самостоятельного вида деятельности.

Широкий круг вопросов, рассматриваемый исследователями информационных процессов, определяет сложность выбора оснований для классификации и дифференциации типов ИД. Наибольшее распространение получил подход, в котором классификационным критерием является субъект деятельности. Однако данный подход не способствует четкому разграничению типов и видов информационной деятельности. В качестве критерия, на наш взгляд, целесообразно использовать подход, предложенный В.А. Ухановым.

Источник любой деятельности определяется наличием противоречий. Для любой деятельности потребность выступает как противоречие, побуждающее субъект к деятельности. Именно информационная потребность выполняет ключевую роль в информационной активности и является источником ИД. В.А. Уханов выделил три ее типа, взяв за основу потребность: «массовая информационная деятельность, личностная информационная деятельность, специализированная информационная деятельность» [2, с. 160].

Первый тип предполагает использование государственными органами средств массовой коммуникации для создания и распространения среди населения информации, отражающей социально значимые события в обществе, и способной оказать влияние на ход их развития. Второй тип направлен на производство и потребление информации, в основании которой заложены сведения, имеющие значение либо для самого человека, либо для круга лиц, связанных близкими отношениями.

Третий тип представляет собой активность субъекта, направленную на производство и потребление специальной информации, имеющей значение в рамках профессиональной деятельности. Разнообразие профессионально-ориентированной деятельности определяет ряд ее разновидностей. По мнению В.А. Уханова, «наиболее распространенным является подход, основанный на принятии в качестве критерия

классификации сфер общественной жизни и выделении на этой основе экономической, политической и социальной специализированной информационной деятельности» [2, с. 178].

Анализ различных научных подходов к сущности ИД позволяет выделить в них то общее, которое сводится к восприятию ее как специфического, целенаправленного, непрерывного, реализуемого специальными структурами, отдельными гражданами, процесса сбора, накопления, преобразования и предоставления субъектам управления информации, необходимой для решения возложенных на них задач.

В политической сфере ИД можно рассмотреть как разновидность специализированной, с присущими для нее характерными чертами. С точки зрения деятельностного подхода ИД представляет собой специфическое взаимодействие, для которого характерна цель, объект, субъект, предмет, результат. Общая цель определяется коммуникативной, регулятивной, познавательной функциями информационной деятельности и направлена на удовлетворение информационных потребностей. Конкретная цель предполагает создание в политической сфере условий для информационного взаимодействия между потребителем и источником информации, направленного на достижение определенной цели. В политическом управлении цель ИД заключается в обеспечении устойчивого обмена информацией в рамках субъект (объект) — объектного (субъектного) взаимодействия для достижения консенсуса при выработке актуальных решений для развития общества.

Определение цели предполагает выработку методов ее достижения. Специфика информационной деятельности в сфере политики оказывает влияние на применяемые методы. Во-первых, ИД использует принципы и методы диалектики. Во-вторых, методы и принципы теории информации, изучающей свойства и общие законы информации. В-третьих, теоретические методы, полученные в рамках других наук. В информационной деятельности, кроме интеллектуальных методов, используются технические средства. Они способствуют распространению нового знания, влияют на выработку новых методов и средств его получения.

В качестве субъекта ИД выступает субъект политического управления. По отношению к другому субъекту политического управления он представляет собой источник (потребитель) информации. Объект ИД носит двойственный характер: с одной стороны, это субъект политического управления, который как объект ИД получает от индивидуального (коллективного) субъекта информацию, необходимую для решения управленческих задач, с другой, это аудитория в рамках деятельности политического актора, либо вне этих рамок.

В рамках информационной деятельности обеспечивается решение ряда задач: отбор, фиксация информации; передача зафиксированной информации; приобщение информации к соответствующему массиву; хранение информации в массиве; формирование запроса; исполнение запроса [2, с. 76]. Реализация данных задач предполагает последовательность действий, которые образуют в своей совокупности содержание информационной деятельности.

Содержание ИД в политическом управлении заключается в сборе и систематизацию информации, преобразование объема ее содержания, создание поискового аппарата, информационный поиск, предоставление запрашиваемых сведений потребителям. Содержание ИД образуют предмет, процесс, средства.

Предметом выступает информация, включенная информационной деятельностью в коммуникационную систему, которая обеспечивает процесс взаимодействия между политическими акторами в ходе завоевания, использования или удержания власти. Информация концентрирует свойства, которые отражают различные стороны жизни общества, и позволяет воздействовать на него. Предмет ИД включает информационную потребность, которая представляет собой массив информации, необходимый потребителю для достижения оптимальных результатов в своей деятельности. Средствами ИД являются организационная техника и компьютеры, используемые для фиксации, хранения и выдачи информации.

В политическом управлении ИД представляет многоэтапный процесс, в результате которого сырые факты превращаются в законченную продукцию государственных органов, осуществляющих или вырабатывающих политический курс страны. Конечным результатом ИД является использование информации в научной или практической деятельности. Ее эффективность определяется соответствием информационным потребностям содержания и своевременностью подачи отобранной информации.

В рамках философско-политического анализа получено представление об информационной деятельности в политическом управлении как специализированном виде деятельности, направленном на удовлетворение информационных потребностей и упорядочение процесса обмена информацией до деятельности. Она выступает в качестве объективной необходимости субъекта начинать, сопровождать и оканчивать любую свою деятельность сбором, обработкой и потреблением информации с целью повышения эффективности политико-управленческих отношений.

Список литературы:

1. Поваляев С.А. Научная информация. Деятельность. Потребность. Мотивы: Опыт конкретно-социологического исследования / С.А. Поваляев. Мн.: Изд-во университетское, 1985. — 96 с.
2. Уханов В.А. Информационная деятельность человека: социально-философский анализ: Дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / В.А. Уханов. Екатеринбург, 1997. — 292 л.
3. Худяков А.В. Информационная и аналитическая деятельность: сущность, задачи, методология / А.В. Худяков // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2009. — № 4. — С. 75—79.

СЕКЦИЯ 2.
СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

**ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ:
КЛАССИФИКАЦИЯ, ТИПОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМЫ**

Маликова Елена Васильевна
преподаватель ЧГУ,
РФ, г. Грозный
E-mail: malikovaev@gmail.com

**DEVIANT BEHAVIOUR OF YOUTH:
CLASSIFICATION, TYPOLOGY, PROBLEMS**

Elena Malikova
teacher of ChGU,
Russia, Grozny

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ традиционных для социологии молодежи форм девиантного поведения, раскрывается его суть. Также проведен анализ различных подходов к определению девиаций, с учетом значимых факторов выявления девиантного поведения. Рассмотрена теория аномии Д.Э. Дюркгейма и Р. Мертона, а также типология представителей поведения с точки зрения отклонений.

ABSTRACT

The analysis of forms of deviant behavior, traditional for sociology of youth, is presented in article, its essence reveals. The analysis of various approaches to definition of deviations, taking into account significant factors of identification of deviant behavior is carried also out. The theory of an anomaly of D.E. Durkheim and R. Merton, and also typology

of representatives of behavior from the point of view of deviations is considered.

Ключевые слова: молодежь; поведение; отклонение; нормы; девиантное поведение; аномия.

Keywords: youth; behavior; deviation; norms; deviant behavior; anomaly.

Все поступки, совершаемые молодыми людьми, практически всегда подвержены общественной оценке близкого окружения, причем, если они соответствуют по форме и последствиям, ожидаемым поступкам, то в этом случае приобретают социально одобряемую форму, и наоборот, если не соответствуют, то воспринимаются со стороны окружающих исключительно в качестве отклонения.

В социологии, традиционно, принято выделять нормативное, отклоняющееся (девиантное), а также противонормативное (делинквентное) поведение [5, с. 35].

В проводимом нами анализе мы бы хотели, более подробно остановиться на раскрытии сути девиантного поведения.

Так, например, по мнению В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, девиантным, отклоняющимся от нормы поведением, принято считать совокупность поступков, действий индивида или группы лиц, которые не соответствуют официально установленным, сложившимся в данном обществе нормам и правилам поведения [7, с. 242].

Таким образом, за основу отклонений берутся правила, меры допустимого поведения, пределы, т. е. соответствие поступков ожиданиям общества. В свою очередь, социальные девиации, или девиантность, по мнению Я.И. Глинского, представляет собой социальное явление, выражающееся в формах человеческой деятельности, не соответствующее нормам и ожиданиям общества [2, с. 28]. Э. Гидденс рассматривает девиацию как несоответствие существующей норме и набору норм, принимаемых большинством людей в группе или обществе, с учетом степени соответствия или несоответствия, что и определяет степень девиантности поведения [1, с. 368].

Существует несколько факторов, которые необходимо учитывать при выявлении закономерностей девиантных проявлений в молодежной среде.

Во-первых, отклонение необходимо рассматривать внутри конкретного нормативного поля, но никак вне его, допустим, мы можем столкнуться с тем, что в одних социальных системах

определенное поведение подростка или группы рассматривается как норма, в других может восприниматься как отклонение, например, совершение убийства во время военных действий или в мирное время, все зависит от контекста определенной ситуации.

Во-вторых, несоответствие норме, т. е. девиация не всегда воспринимается плохо, ведь норма поведения может выступать в качестве усредненного значения какого-либо показателя, из чего следует, что отклонение может быть направлено как в сторону ухудшения показателя, так и в сторону улучшения, что принято квалифицировать как культурно-одобряемые отклонения.

В-третьих, отклонение может способствовать адаптации существующей системы, к изменяющимся условиям выявляя формы поведения, отличные от прошлого опыта, но приемлемые с точки зрения общественной цензуры.

Основываясь на историческом опыте изучения тех или иных форм поведения, определяемых с позиции норм, принятых в конкретном обществе, мы согласны с Р.В. Леньковым, который считает, что к наиболее авторитетным теориям девиации следует отнести теорию аномии Д.Э. Дюркгейма и Р. Мертона [6, с. 149].

Аномия, по определению Э. Дюркгейма, представляет собой отсутствие четкой системы социальных норм или их недостаточность, проявляющееся в разрушении единства культуры, в результате чего, жизненный опыт людей, проживающих в таком обществе, перестает соответствовать идеальным, общепринятым нормам [3].

Следует отметить, что аномия, а вернее ее состояние, может характеризовать как общество, в котором ослаблены стандарты поведения, либо они вообще отсутствуют, так и отдельное лицо, которое, по каким-либо причинам может быть социально дезориентировано, находится в тревожном состоянии и переживать чувство глубокой изоляции.

Таким образом, Дюркгейм сформулировал теорию, согласно которой, индивид становится девиантом вследствие потери социальной ориентации, в виду произошедшего процесса разрушения социальных общественных норм. Наибольшую опасность для индивида или группы аномия, как социальная особенность, представляет не в отсутствии подчинения социальным нормам, а в отсутствии вообще каких-либо ориентиров. В качестве примера можно привести ситуацию с заблудившемся в лесу человеком, который потерял дорогу не потому, что решил идти отдельной, своей, а потому, что в лесу вообще нет дорог, даже самых непроходимых.

Иными словами, если человек имеет какие-либо жизненные ориентиры, которые понятны и ясны, то у него появляется возможность в свободном выборе этих ориентиров, а самое главное, свободный выбор своего отношения к ним.

Период молодости и становления личности связан, прежде всего, с поиском молодого человека своего места в мире и в конкретном обществе, вследствие чего, происходит пересмотр усвоенных ранее социальных норм, в результате чего проводится их, так называемая, проверка на прочность. Поэтому, если в процессе такого пересмотра молодой человек не обнаруживает четких норм, он вынужден начать поиск новых форм поведения, что, вероятнее всего, приведет к возникновению отклонений.

Из многообразия элементов социальной и культурной структур, Р. Мертон, основываясь на своей концепции аномии, предлагает выделить два, по его мнению, особенно важных; к первой группе элементов относятся цели индивида, которые определены культурой, намерениями и интересами, законные для всего общества или его отдельных слоев, а ко второй — приемлемые, с точки зрения социума, способы достижения этих целей [4, с. 96].

Девиация по Мертону, может быть рассмотрена в качестве симптома рассогласованности между предписанными стремлениями, с точки зрения культуры и средствами их реализации [6, с. 150], вследствие чего им была предложена типология форм девиантного поведения, которую мы рассмотрим ниже.

Конформизм — такое поведение выражается в согласии с целями общества и легальными способами их достижения.

Инновация — выражается в согласии с целями общества, но отрицании одобряемых обществом средств их достижения.

Ритуализм — выражается в отрицании целей, одобряемых культурой, но в несогласии с одобряемыми способами их достижения.

Ретризм — другими словами, бегство от действительности, выражается в отрицании культурно одобряемых целей и средств достижения, при котором от молодого человека не поступает предложений взамен и он просто изолируется от общества.

Бунт — выражается в таком отрицании целей и средств, при котором происходит замена старой системы целей на новую и появляется новая идеология.

Рассматривая современное российское общество, можно увидеть довольно много схожего с описанием Р. Мертона. Сегодня мы можем наблюдать, что образование, как социальный институт большее внимание уделяет обучению, но не воспитанию, а социальный

контроль со стороны государства ослаблен. Жизненные цели молодежи, одобряемые условиями новой экономики усиленно акцентированы, а вот способов их достижения, увы, не предлагается. Поэтому в молодежной среде современного общества, мы все больше можем наблюдать девиантные способы решения проблем.

Мы хотели бы еще раз отметить, что функции девиации могут быть как полезными, так и вредными: полезная, адаптирует систему к изменениям, устраняет устаревшие стандарты, вследствие чего появляются новые виды творчества, научные открытия; негативная, дезорганизует систему, разрушает базовые основы общества посредством преступных действий, наркомании и алкоголизма.

В молодежных группировках можно наблюдать наиболее яркое проявление девиантного поведения, на основании чего социологами была предложена следующая типология их членов состава, которую мы предлагаем рассмотреть ниже.

Аутсайдер — неудачник, человек, попавший в жизненный тупик, как правило, неудачник и по каким-либо причинам не нашедший признания в формальной группе.

Маргинал — личность, утратившая индивидуальные и социальные связи, как правило, одинокая, испытывающая постоянно социальный и психологический дискомфорт, пытающаяся самоутвердиться за счёт безнравственного поведения в обществе.

Конформист — индивид, легко поддающийся влиянию авторитетов, хорошо адаптирующийся в новой социальной среде, тем самым усваивая легко и без принуждения присущие ей групповые ценности и нормы.

Приспособленец — личность, принимающая лишь внешне групповые ценности и нормы для достижения повышения своего группового статуса и признания.

Фанат — человек, неукоснительно преданный групповым ценностям и нормам, при этом отрицающий все иные, особенно те, которые идут вразрез с групповыми.

Борец — человек, для которого процесс борьбы за идею обладает большей ценностью, чем сама идея.

Вождь — человек, который видит себя непременно в руководстве другими людьми, претендующий на роль лидера.

Попутчик — личность, случайно примкнувшая к группе, не до конца понимая и принимая групповые ценности, руководствующийся больше солидарностью, чем групповыми нормами и целями.

Имитатор — для такого человека первостепенное значение имеют символы объединения и внешние атрибуты, а анализом групповых ценностей он себя не утруждает.

Скучающий — одним из мотивов вступления такого человека в группу является более интересная организация своего досуга и поиск среды для общения.

В заключении мы хотели бы отметить, что минимизация негативных последствий девиаций возможна лишь с помощью четкой системы социального контроля, а именно контроль через социализацию, ведь ни для кого не секрет, что именно этот способ является наиболее эффективным. Только путем внедрения в сознание молодежи культурно одобряемых целей в связке с социально одобряемыми средствами их достижения мы сможем уменьшить риск возникновения девиаций.

Не прямые запреты и принуждение, а выработка путей достижения целей легитимными способами поможет молодому поколению справиться с вышеперечисленными отклонениями, а помощь государства и общества при таком подходе обязательна.

Список литературы:

1. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.
2. Глинский Я.И. Девиантология. 2-е изд. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. — 528 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд: пер. с фр. с сокр. Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. — 399 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. — 1992. — № 4. — С. 91—96.
5. Рязанцев И.П., А.Ю. Завалишин. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М: Академический проект, 2006. — 456 с.
6. Социология молодежи: учебник для акад. бакалавр./под ред. Р.В. Ленькова. М.: изд. Юрайт, 2015. — 416 с.
7. Чупров В.И. Социология молодежи: учебник / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — 336 с.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

ЭТНО-ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СТУДЕНЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ: ОТ МОДЕРНА ДО НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Окладникова Елена Алексеевна

*д-р ист. наук, профессор кафедры социологии
Российский педагогический университет им А.И. Герцена,
РФ, г. Санкт-Петербург,
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru*

Перевезев Михаил Андреевич

*студент 2-ого курса,
кафедра методики обучения истории и обществоведения,
Российский педагогический университет им А.И. Герцена
РФ, г. Санкт-Петербург,
E-mail: rgpu.ist@gmail.com*

ETHNIC TOLERANCE IN THE STUDENT COMMUNITY: FROM MODERN TO NEOTRADITIONALISM

Elena Okladnikova

*doctor of history, professor, Department of sociology, Herzen university,
Russia, St. Petersburg*

Mikhail Perevezev

*student, the Department of methods of teaching history and civics,
Russia, St. Petersburg*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного
фонда (проект № 14-18-02785)*

АННОТАЦИЯ

Цель работы — анализ влияния информационной институализации как фактора, способствующего производству этно-

толерантной ментальности в студенческой среде. Социологического исследование проводилось методом нарративного интервью. Этот метод исследовательская стратегия открывает возможность перейти от «данных опыта», к «данным далеким от опыта», т. е. герменевтическому социологическому анализу эмпирической информации. В результате оказалось. Это свидетельствует, что уровень межэтнической толерантности напрямую зависит от степени их информационной институализации студентов, и пока невысок.

ABSTRACT

The aim of the article is analysis of the impact of information of institutionalization as a factor contributing to the production of ethno-tolerant mentality among students. A sociological data was collected by means of narrative interviews, as a research strategy. This opens up the opportunity to move from «data» to «data which is far from experience», i.e. hermeneutic sociological analysis of empirical data. As a result we can notice the level of ethnic tolerance depends on the level of their information institutionalization, and it is still low.

Ключевые слова: этно-толерантность; студенческое сообщество; традиционализм; неотрадиционализм; модерн.

Ключевые слова: ethno-tolerance; student community; traditionalism; neo-traditionalism; modernism.

Производство этно-толерантной ментальности в студенческой среде в условиях интенсификации мобильности современного сетевого общества — процесс многоплановый, т. е. требующий рассмотрения с позиций различных научных подходов (психологического, социологического, философского, экономического, педагогического и др.). Одной из особенностей процесса производства этно-толерантности в молодежной (студенческой) среде является сложность, а именно этого опосредованность производства многочисленными факторами (экономическими, политическими, социальными институциональными) его затрудняющими. Среди институциональных факторов выделяются институализация границ (свой/ чужой), деятельности и информационная институализация. Информационная институализация включает навыки, традиции, способы производства идей, создающих и обстраивающих социальные миры. Такими идеями (в гегелевском смысле этого понятия) являются идеи, программирующие практики социальной ориентации, конструирующие ценностно-нормативные системы различных типов и оснований: от традиционалистской, до модернистской и неотрадиционалистской.

Согласно мысли А. Лефевра: «Идея производит мир, после чего природа производит человека, в свою очередь производящего, путем борьбы и труда, одновременно — историю, знание и самосознание, то есть Дух, который воспроизводит начальную и конечную Идею» [1].

Первичная социологическая информация, необходимая для выявления и анализа особенностей информационной институализации студентов РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), как фактора, способствующего производству их этнической толерантности, была получена в результате качественного социологического исследования, проведенного методом нарративного интервью. В исследовании приняли участие студенты младших курсов (1—2 курсы), (N=15) двух факультетов РГПУ: математики и социальных наук. Данные, которые мы получили, используя нарративное интервью как метод исследования, представляют интерес в силу следующих особенностей: 1) личной формы изложения видения проблемы, 2) индивидуальности свидетельства, наполненного как субъективным, так и социальным содержанием, 3) возможности выявить уровень понимания студентами особенностей социальных процессов, которые происходят в современном российском обществе, 4) возможность исследователю создать модель информационного образа общества, в котором живут студенты.

Для проведения нарративного интервью нами была разработан специальный вопросник, который состоял из 5-ти вопросов. Первый вопрос: «Считаете ли вы себя толерантным» был направлен на то, чтобы респондент смог определить свою степень притяжения/непритяжения ситуации контакта с различными аспектами «инаковости». Эта инаковость репрезентировала себя в образах «другого», «чужого», «незнакомого», «иноэтнического». Этот вопрос предоставлял материал для анализа особенностей менталитета наших респондентов, т. е. возможность выделить среди них носителей ментальности европейского модерна, традиционалистской ментальности или приверженцев неотрадиционалистского менталитета (идеологии этнофутуризма, национал-сепаратизма, национал-фашизм и т. п.). Отвечая на остальные вопросы, респонденты рассказывали о том, какие сказки, пословицы и имена народов мира они знают. В ответах на эти вопросы респонденты раскрывали перед нами широту своей этнокультурной любознательности и этнокультурной компетентности. Ответы на все пять вопросов рассматривались нами как индикаторы, высвечивающие уровень информационной институализации респондентов. Уровень информационной институализации находится в прямой зависимости от этнокультурной любознательности и этнокультурного кругозора студентов. В силу того, что объем статьи не позволяет нам

опубликовать подробный анализ ответов респондентов на остальные пять вопросов, укажем, что ответы на эти вопросы показывают уровень межнациональной толерантности, в зависимости от влияния когнитивных образовательных практик, в которые были погружены наши респонденты, как представители студенческого сообщества младшего возраста.

Первый вопрос: *«Считаете ли вы себя толерантным (ой)?»* определял степень приятия/неприятия респондентом ситуации контакта с различными аспектами «инаковости». Из 15 опрошенных респондентов, 8-мь респондентов (54 %), сказали, что они считают себя толерантными в отношении трудовых мигрантов и представителей других этнокультурных традиций, а и по жизни вообще. Две респондентки (13 %) ответили, что не являются толерантными. 33% респондентов, либо испытывали затруднение в ответе на этот вопрос, либо использовали частицу «если», отвечая на этот вопрос (рис. 1). В гендерном измерении ответы распределились следующим образом: 13 % (девушки) и 0 % (молодые люди) оказались носителями интолерантного мировоззрения. Из числа сомневавшихся в ответе на этот вопрос оказалось 40 % юношей и 60 % девушек.

«Нууу, тяжело оценить мне. Может быть, скорее да, чем нет» [2].

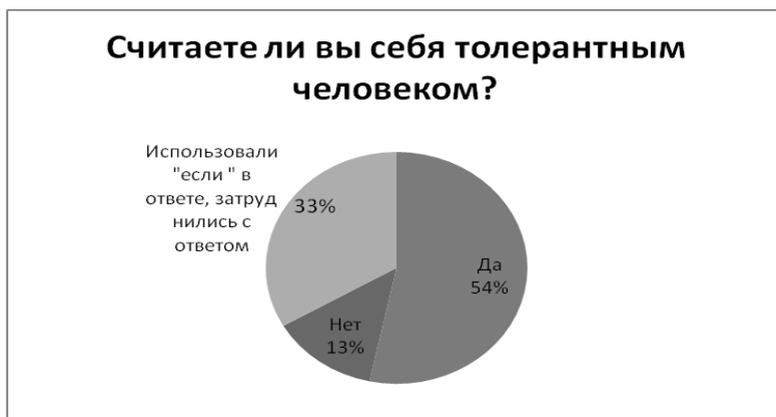

Рисунок 1. Уровень общей этнокультурной толерантности респондентов (самооценка)

Большинство людей склонны позиционировать себя как люди позитивно настроенные на контакт с «другим», «чужим», «этно-

трудовым мигрантом», а также коммуникабельными и открытыми. Эта группа респондентов на первый вопрос давала четкий и однозначный «Да», и не была склонна к комментариям по этому поводу. Такое однозначное и категоричное «Да» может быть свидетельством, либо того, что эти студенты (преимущественно девушки) стараются позиционировать себя перед исследователем как личности политкорректные и бесконфликтные, либо как люди, которые разделяют ментальность европейского модерна.

«Да, стараюсь быть толерантной, уважать другую культуру и другой народ» [3].

Сегодня для жителей Петербурга основными признаками ментальности европейского модерна, информация о которых нами была собрана на основе анализа Интернет-документов, научной и краеведческой литературы, являются: рационализм, релятивизм, индивидуализм, капитализм, либерализм и т. д. Именно эти принципы определяют жизнь «своих» — жителей Петербурга, как населения, принимающего «чужих», «приезжих», «этно-трудоовых мигрантов». В силу того, что для цивилизации модерна свойственно наличие множественности форм проявления (от зарождения цивилизации европейского модерна, до радикального модерна и постмодерна, для Санкт-Петербурга на долгие годы такими принципами стали: в *экономической сфере* — логика рынка и международной торговли; в *политической сфере* — ориентация на институты светского общества; в *сфере государственного управления* — установка на имперское (в европейском смысле) могущество государственной системы, формирование идеи национальной самостоятельности государства; в социальной сфере — усложнение и усложнение социального состава общества; в научной сфере — появление политико-философской мысли, её диверсификация; в духовной сфере — разделение власти церкви и власти государства. Сторонники ценностей цивилизации модерна европейского просвещения из числа жителей Санкт-Петербурга в радикальном своём варианте сегодня маркируют себя символическим знаком в виде белой ленточки. Идеалы и ценностей этой части городского сообщества чужды численно превышающим их городским сообществам, ориентированным на идеалы традиционализма и неотрадиционализма.

Тем не менее, из рассуждений респондентов, склонных к рефлексии, становится понятным, что они предпочитают говорить о своей толерантности в отношении «другого», «чужого», используя частицу «если». Такое употребление оговорки «если» указывает на настроенное отношение к самому термину «толерантность».

«Если мы будем рассматривать толерантность, как принятие, уважение менталитета, культуры, интересов людей других народов, то я могу сказать, что культура и традиции других стран мне не совсем понятны. Если сравнивать русскую цивилизацию с европейской, то мне тяжело принимать их взгляды. В целом, я — толерантный человек, но категоричный в своих суждениях, что касается нравственных аспектов» [4].

«В некоторой степени да, если мы рассматриваем толерантность, как уважение к другим людям, к явлениям других обществ. Но я не могу сказать, что я толерантен, когда приходят ко мне в дом и начинают наводить свои порядки. Но, в целом, я толерантен» [6].

«Скорее да, чем нет. Но само понятие «толерантность» очень скользкое» [6].

Настороженность, неуверенность, сомнения, на которые указывает частица «если» в ответах наших респондентов, свойственна людям — носителям традиционалистского менталитета, а не менталитета цивилизации европейского модерна. Основными характеристиками этого типа ментальности, свойственной нашим респондентам, как представителями студенческого сообщества, являются: 1) установка на свой особый путь развития, базирующийся на самобытности, духовности, приверженности традициям, народности и соборности; 2) использование азиатского пространства, очерченного государственными границами, как фокуса приложения политических, экономических и духовных интересов; 3) азиатско-центрированная российская государственность приобретает сакральный смысл, нарушение которого грозит серьезными потрясениями; 4) примат традиционной религии и её приоритета в культурной и духовной жизни общества, использование этого приоритета в политике; 5) установка на язык власти, в системе которого происходит подмена знания верой; 6) установка на интересы веры и государства против интересов общества, и далее: замена общегосударственных интересов задачами управления территориальными ресурсами и сохранение властного режима; 7) обращение к ценностям исторического прошлого, которые консолидируют общество, а не к достижениям будущего; 8) представление о гражданстве как верности русским национально-культурным идеалам, а не ценностям реальной политики. Традиционалистская доминанта в системе ценностных ориентаций городского сообщества Санкт-Петербурга, часть которого являются наши респонденты, поддерживается двумя группами городского населения, ориентированными на: 1) на обращение к ценностям

патриотического прошлого (военно-исторические ценности и имперско-патриотические идеи, маркированные символикой георгиевской ленточки); 2) формирование этнических диаспор, преимущественно кавказских и среднеазиатских (реализующих свою деятельность, в основном, в области полутеневой рыночной экономики разного типа). Представители этнических диаспор и трудовые мигранты в силу своей социокультурной и ментальной (культура ислама) доминант сегодня не склонны поддерживать ни традиционалистские сообщества города, ни «коренных петербуржцев». Это люди, которые в отличие от приезжавших учиться или работать в Россию выходцев из ныне бывших республик Средней Азии и Кавказа 1990-х гг., знавших русский язык, имевших через советскую систему образования связи с Россией, полностью утратили эту связь. Современные трудовые мигранты — продукты политики дерусификации образования и культуры в Таджикистане, Узбекистане, Азербайджане. Со школьной скамьи им рассказывают о российском колониализме, а общество, в котором они выросли, испытывает процесс архаизации общественных отношений [7].

Среди респондентов, принявших участие в исследовании, нам не удалось выявить людей, которые активно являются сторонниками неотрадиционалистской ментальности, или разделяют идеологию неотрадиционализма. Тем не менее, среди студентов старших курсов факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена такие люди есть. В основном, это девушки, которые не скрывают свою связь с неонационалистскими группировка Санкт-Петербурга [8]. Этим девушкам нравятся лозунги «Россия для русских», «Мы не хотим топить в толерантности нашу страну, которая и так тонет в море этно-трудовых мигрантов, обслуживающих за гроши правящую леволиберальную элиту России» и т.п. Свою приверженность идеологии неонационализма эти девушки объясняли тем, что они «устали от приставаний «черных» на улице», «постоянной угрозы уличного вооруженного конфликта в «черными» для их друзей-юношей», «размывания русской культуры в силу вторжения, например, исламской культурной традиции в сферу повседневной городской культуры. Например, такими вторжениями они называли девушек в хиджабах на улицах и в университете, увеличение числа мечетей и исламских молельных домов в городе, «захват рынков» представителями исламизированного городского сообщества и т. п.

Таким образом, информационная институализация как фактор производства этно-толерантной ментальности в студенческой среде оказывает важное значение на такие все другие факторы инсти-

туализации (границы и деятельности). Как показало наше исследование, информационная институализация недостаточно поддерживается глубиной и широтой этно-культурной информации, формирующей ментальность и этнокультурный кругозор наших респондентов. Косвенным, но от того не менее значимым доказательством тому является частица «если», которой большинство из наших респондентов сопровождало ответ на наш вопрос: «считают ли они себя толерантными людьми», когда мы просили их описать свое отношение к «чужим», «приезжим», «этно-трудовым мигрантам».

Большинство наших респондентов определили себя как люди толерантные 54 %, т. е. обозначили себя как носители мировоззрения цивилизации европейского модерна с оговоркой. 46 % обозначили себя как носителей ментальности традиционалистской цивилизации. Приверженцев неотрационалистской ментальности среди наших респондентов не оказалось.

Ответы респондентов на остальные пять вопросов, подтвердили наши выводы о том, что из уровень межэтнической толерантность напрямую зависит от степени их информационной институализации, и, увы, пока оказывается недостаточно высоким, чтобы в ответе на первый вопрос они смогли обойтись без частицы «если».

Список литературы:

1. Лефевр А. Производство пространства. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html> (дата обращения: 21.04.2015).
2. Р-т, М (21 год).
3. Р-т, Ж (19 лет).
4. Р-т, Ж (19 лет).
5. Р-т, М (19 лет).
6. Р-т, Ж (19 лет).
7. Миграция — погоня за политическими призраками (2013). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.neoregion.ru/cfo/57-migraciya.html> (дата обращения: 21.04.2015).
8. Интервью, р-т, Ж (20 лет). (Архив автора (Окладникова Е.А.), СПб., 2013.

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ЭТИКА ЛЕВИНАСА — ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ РЕЛИГИИ И ФИЛОСОФИИ

Славова Веселина Христова

канд. филос. наук, доцент,

Медицинский университет “Проф. д-р Параскев Стоянов”,

Болгария, г. Варна

E-mail: veselina_slavova@abv.bg

THE ETHICS OF LÉVINAS — A POINT OF INTERSECTION BETWEEN RELIGION AND PHILOSOPHY

Veselina Slavova

candidate of philosophical sciences, associate professor

of Medical University “Prof. Dr. Paraskev Stoyanov”,

Bulgaria, Varna

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья рассматривает религию и философию в контексте определенного сотрудничества, при отсутствии идеи абсолюта в классическом философском смысле. Новым в идеях Э. Левинаса является этическое взаимодействие между Я и Другим как отказ от узурпаторских амбиций. Идея Бога рассматривается как следствие идеи инаковости, а религия возможна только как этический опыт. Единственной предпосылкой является бесконечность ответственности перед Другим.

ABSTRACT

This article examines religion and philosophy in the context of collaboration in which the idea of the absolute in the classic philosophic sense is absent. The novelty suggested by Lévinas is the ethical relation between the Self and the Other as a denial of usurper's ambitions. The idea of God is seen as an effect of the idea of alterity and religion is only possible as an ethical experience. The only prerequisite is the infinite responsibility to the Other.

Ключевые слова: Бог; Другой; религия; этика; ответственность.

Keywords: God; Other; Religion; Ethics; Responsibility.

Современные этические теории полны пессимистических настроений по отношению к кризису межличностных отношений, отсутствия категорических авторитетов и устойчивых моральных правил. Э. Левинас является одним из философов, предлагающих альтернативу этим тенденциям. Всей своей философией он пытается увести философию от утвердившегося монополизма, одновременно дистанцируясь от релятивизма. Такие волнующие современного человека вопросы, как «что правильно?», «что добро?», «что ценнее?» все больше усиливают колебания в ситуации морального выбора. Эта неуверенность в значительной степени вызвана распадом идеологий, развенчанием авторитетов, эмансипацией человека. Центрированное мышление задает выбирающему директивы и предопределяет его позицию. Децентрация, наступившая в образе мышления, бросает вызов современным наукам о человеке. Он становится автономным, а заодно с этим и ответственным. Опираясь на это понятие, Э. Левинас строит свою концепцию вне рамок дихотомического мышления, в зоне между «греческим и иудейским» [2, с. 228], между философским и религиозным.

В философии Э. Левинаса понятие «религия» означает связь с Другим. Религия является и переживанием, и частью мировоззрения, но не совпадает с философией, как и считали со времени ее возникновения. Их единство укрепляет диктат авторитетов и принципов, которые лишают человека права брать на себя ответственность и нести на себе всю тяжесть этого выбора.

Пересечение философии с религией возможно только тогда, когда речь идет об ответственности перед Другим. Бог в философии Левинаса связан с желанием, он является стремлением к выходу вовне, к различному, не своему. Фигура Бога тесно связана с идеей Другого, Бог оставляет след посредством инаковости. Левинас настаивает

на акцентировании отличия между философией и религией, с целью разорвать навязываемое веками их сращивание, обслуживающее тотальность мышления. «Теология неблагоразумно рассматривает идею об отношении между Богом и творением в терминах онтологии» [3, с. 240]. Результатом такого мышления, при котором философия «обслуживает» интересы теологии, является рождение оппозиций «крайнее-бескрайнее», «время и вечность», «человек и Бог». Посредством идеи инаковости, Э. Левинас пытается разрушить модель тождества. Отношение к Богу и Другому — это отношение, выходящее за пределы онтологического мышления, «по другую сторону сущности», т. е. представляющее собой один этический опыт.

Этическая взаимосвязь не имеет предпосылок. Бог не является основанием и целью человеческого существования, целью является Другой, который отсылает к идее Бога. Но Другой не может быть предпосылкой, поскольку он представляет собой абсолютно иное. Э. Левинас убежден, что достижение различности невозможно без утверждения собственного я. По его мнению, способность отделить себя есть прославление Бога. Это означает, что человек вправе сомневаться, иметь свою позицию, нести ответственность. «Мы называем «волей» существо, обусловленное таким образом, что, не будучи причиной самого себя, является первичным по отношению к своей причине» [3, с. 34].

Проблема современных обществ состоит в том, что они не сделали следующего шага после отделения и остановились перед идеей «я» как основы всех ценностей. По мнению Э. Левинаса, расшатывание человеческого в человеке кроется в понятиях единства и гуманизма. Отход от веры в Бога, по Э. Левинасу, является следствием технократического мышления, господства идеи справедливости в современных обществах, эмансипации современного, мыслящего человека, откуда и пристокает моральный релятивизм. В «убийство Бога» внесли свой вклад марксизм, психоанализ, социология и структурная антропология [6, с. 510]. Западная философия стремится «мыслить о конечности без Бесконечности» [6, с. 516]. Своей критикой этого образа мышления Левинас защищает тезис о существовании единства не как изначального смысла и не как устраняющего различия, а как усиливающего и подчеркивающего их. Выход за рамки единой монолитной системы, лежащей в основе как познания, так и социальных взаимоотношений, осуществляется посредством идеи бесконечности.

Соотношение конечного и бесконечного не удовлетворяет Левинаса. Он находит другой подход к трактовке идеи о Первотворце как новой онтологии или вне бытия и из ничего. Идея сотворения

выходит за пределы контекста онтологии, которая ставит существующее в зависимость от существования. Сотворение «из ничего» предполагает наличие в творении идеи «абсолютной инаковости». Эту идею Левинас противопоставляет познанию по аналогии. «Из ничего» означает отсутствие предпосылки. В этом смысле творение связано с Творцом, но в то же время и дистанцировано от него, обладая способностью отделяться, самоутверждаться, нести ответственность. Человек создан, и в качестве такового он открыт для инаковости, стремится к ней, и это стремление ему изначально присуще. В этом смысле Бог — это Другой, а Другой является в идее творца. Понятие Бога, по мнению Левинаса, ближе всего к своему смыслу, когда соотносится с этическим опытом, в смысле отношений между мной и Другим.

В окончательном формировании этих философских взглядов важную роль сыграл иудаизм, в лоне которого вырос французский философ. По мнению Левинаса, он отличается витальностью, отсутствующей в христианстве, витальностью, которая проявляется в его текстах, «более живых, чем сама жизнь» [4, с. 319]. Если христианская точка зрения на мораль приближается к догме, то для евреев мораль проявляется в конкретном этическом отношении в конкретной ситуации. «Этика — не есть неизбежное следствие видения Бога: она есть само это видение. Этика — это оптика» [4, с. 335]. Этика — это само отношение к ближнему, соответственно, к Богу. Она не основана на принципах, недостижимых для существующего. Мораль связана с действием, а не с созерцанием. Христианские принципы не всегда применимы к конкретному поиску человека. Попытка найти человеческим отношениям соответствия в определенных ценностях превращает мораль во что-то чужое, стоящее вне человека. Такая мораль является насилием над самим собой и над Другим. Над самим собой, — поскольку человек вынужден соблюдать правила, которые ему чужды, извне, над Другим, — поскольку в такой морали нет различий, она одна для всех. Универсализация морали стирает различие между людьми и создает условия для насилия. «Если мораль в самом деле должна исключать насилие, то нужно, чтобы неразрывная связь соединила разум, язык и мораль. Если религия совпадает с духовной жизнью, то нужно, чтобы она по самой своей сути была этикой» [4, с. 325]. Мораль возможна в разговоре неодинаковых. Поэтому религия — это этика не в смысле учения, основанного на определенных ценностях. Религия — это этика, поскольку она есть само отношение с инаковостью.

По мнению Левинаса, монологичностью христианства можно объяснить и возникающие у него трудности при решении

политических и социальных проблем. Критика его вызвана тем фактом, что христианство не уделяет достаточно внимания земной жизни, а также конкретному отношению к ближнему. Если христианство интерпретирует чисто человеческие поиски через призму божественного абсолюта, то иудаизм, напротив, ориентируется на жизнь здесь и сейчас и именно этого человека. Направления их мыслей различны: для христианства путь к человеку проходит через Бога, для иудеев — путь к Богу проходит через человека. В иудаизме связь с божественным проистекает из ответственности за действие.

По Левинасу, установление единого принципа в христианстве приводит к смещению ценностей, к превращению веры в утопию, к ее отделению от земной власти и от земного закона. Это отражается на понимании и переживании ответственности. Человек ожидает внешнего контроля, спасения и заботы по отношению к себе, что, в свою очередь, рождает несправедливость. Озабоченность о бессмертии души отклоняет внимание от заботы о Другом.

Критика Левинаса сосредоточена на идее сакрального. Сакральное есть насилие над человеческой способностью нести ответственность. Его развенчание может привести к атеизму, но, по мнению Левинаса, он необходим для достижения трансцендентности. Эта дорога проходит через сомнение, одиночество и бунт. «В противоположность философии, которая сама прокладывает себе путь в царство абсолютного и возвещает, по словам Плотина, что «душа... приходит не к чему-либо иному, противоположному себе, но к самой себе» и «присутствует лишь в самой себе», иудаизм учит о реальной трансцендентности, об отношении с Тем, Кого душа не способна удержать в себе и без Кого она не может держаться даже самой себя. Коротко говоря, «я» пребывает в состоянии разорванности и растерянности» [4, с. 334].

Путь классической философии, которую Левинас называет онтологией, есть путь к утверждению тождества и гомогенности. Напротив, путь этики, являющейся новой философией, есть путь к бесконечности абсолютной инаковости, к гетерогенности. Этот подход задает субъекту и обществу другую модель пути. Левинас предлагает определенную устойчивость колеблющемуся между беспорядочным существованием и предопределенностью выбора. Человек, о котором он говорит, всегда для других и поэтому с Богом и с самим собой, он один несет свою ответственность, но в то же время и не один, поскольку эта ответственность есть и ответ, и разговор с кем-то. Такой образ мышления может указать направление для

решения сложных этических вопросов нашего времени. Неслучайно над этой темой рассуждают такие значимые фигуры современной философии и, соответственно, этики, как Ж. Деррида, П. Рикер, З. Бауман и др.

Список литературы:

1. Бауман З. Постмодерната етика. София: ЛИК, 2001 — 354 с.
2. Деррида Ж. Насилие и метафизика // Писмеността и различието. София: «Наука и изкуство», 1998 — 483 с.
3. Левинас Е. Тоталност и безкрайност. София: УИ «Св. Кл. Охридски», 2000 — 254 с.
4. Левинас Э. Трудная свобода // Избранное: Трудная свобода. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004 — 752 с.
5. Левинас Э. Бог и философия // Эмманюэль Левинас: путь к Другому. Санкт-Петербург: Изд-во С. Петербургского государственного университета, 2006. — С. 201—231.
6. Alvarez Olmedo Gaviria. L'idée de création chez Levinas : une archéologie du sens // Revue Philosophique de Louvain, — Volume 72, — № 15, — 1974 — pp. 509—538.
7. Bernier Jean-François. Transcendance et manifestation. La place de Dieu dans la philosophie d'Emmanuel Lévinas // Revue Philosophique de Louvain, Volume 94, — № 94-4, — 1996 — pp. 599—624.
8. Ciaramelli F. Le rôle du judaïsme dans l'oeuvre de Levinas // Revue Philosophique de Louvain, — V. 81, — № 52, — 1983. — pp. 580—600.

3.2. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ГОРОД В ПОВСЕДНЕВНОМ СОЗНАНИИ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ивенкова Ольга Александровна

*канд. филос. наук, доцент кафедры философии
Смоленского государственного университета,
РФ, г. Смоленск.
E-mail: Ivenckova@yandex.ru*

THE CITY IN DAILY CONSCIOUSNESS: IDENTITY FORMATION FACTORS

Olga Ivenckova

*candidate of Science, associate professor of philosophy
of Smolensk state university,
Russia, Smolensk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается важность повседневности как необходимого слагаемого факторов формирования городской идентичности. Рассматриваются стабильные, изменчивые и символические факторы, их взаимосвязь с повседневными представлениями людей об окружающей реальности. Показано, каким образом быстрые темпы социокультурных преобразований, изменение ключевых механизмов коммуникации между индивидами влияют на повседневное сознание. Обозначена роль городской идентичности в поддержании его стабильности.

ABSTRACT

In article importance of daily occurrence as the necessary formation of city identity composed factors is considered. Stable, changeable and symbolical factors, their interrelation with daily ideas of people of surrounding reality are considered. It is shown how fast rates of sociocultural transformations, change of key mechanisms of communication between individuals influence

daily consciousness. The role of city identity in maintenance of its stability is designated.

Ключевые слова: повседневность; повседневное сознание; городская идентичность.

Keywords: daily occurrence; daily consciousness; city identity.

Трансформационные процессы за истекший век глубоко проникают в общественные уклад и мировоззрение людей. Стремительно сменившие друг друга традиционное, индустриальное и постиндустриальное общество видоизменяют важнейшие социальные институты, научные парадигмы, и, без сомнения, заставляют пересмотреть отношение к положению и роли личности в обществе. Урбанизация и глобализация, дополняя и усложняя этот процесс, делают проблемным отношение ко многим устоявшимся категориям. Повседневность же, являясь неотъемлемой и во многом системообразующей частью жизни человека, формирует поле взаимодействия индивида и социума как условие воспроизводства жизненно важных отношений. Соответственно, в периоды нестабильности, перелома или коренного изменения вектора социального развития резко обостряется проблема адекватной ориентации человека в окружающей действительности.

Наиболее быстрые темпы социокультурных преобразований, изменение ключевых механизмов коммуникации между индивидами отмечаются внутри городского пространства. Город по своей сути является центром генерации идей социально образующего и преобразующего, культурного и идеологического характера. Социокультурное пространство города максимально ярко отражает трансформацию общественного сознания, происходившую под влиянием различных факторов окружающей человека среды, а также взаимодополняющих друг друга социальных, экономических и культурных факторов. Это даёт толчок к развитию представлений о городской идентичности.

К современному пониманию феномена идентичности наука приходит во второй половине 1960-х гг., обращая особое внимание на образовавшуюся многослойность социальной структуры и новые основания социальной дифференциации. Формируется соответствующая научная интерпретация, выражающаяся в понимании критериев и механизмов функционирования социальных идентичностей. Урбанизация и неоднозначность роли современного города способствовали выделению такой дефиниции, как «городская идентичность». Можно выделить несколько групп факторов, влияющих на городскую идентичность: стабильные (местоположение, климат,

история города), изменчивые (размер и население, внешний облик города, культурные традиции) и символические (городская символика, политический климат, культурные коды поведения жителей, знаковые события и личности, характер внутренних коммуникаций и пр.) [1, с. 56].

Базовым, стабильным фактором является проживание в конкретном городском пространстве. Пространственные характеристики выражаются не только в конкретных географических условиях, в которых развивается местное сообщество, но и в определенных образах пространства, порождаемых повседневным сознанием. Посредством географических образов повседневное историческое сознание позволяет членам социокультурных общностей обживать окружающий мир, занимаемые ими территории не только в плане физической адаптации, но и в феноменологическом аспекте. Городская, или региональная идентичность в целом проявляется в существовании устойчивых образно-географических композиций, а освоенное пространство идентифицируется как система региональных и оригинальных образов [2, с. 36—37]. Повседневная практика жизнедеятельности также содержит в себе и механизмы формулирования, согласования, реализации и постоянной корректировки этих представлений.

Социальные отношения, сложившиеся на определенной территории и имеющие, соответственно, своеобразную узкорегionalную специфику, определяют вторую группу факторов формирования городской идентичности. Включенность в долговременные стабильные социальные группы определяет отношение индивида к группе и групповой принадлежности («свой»-«чужой»), групповые ценности, стереотипы, нормы и пр. Формируясь в результате социализации и адаптации в определённом территориальном поселении, городская идентичность представляет собой социокультурное образование, основанное на усвоении и воспроизводстве культурных символов, традиций, образа жизни жителей конкретного города. Субъект повседневности складывается и существует только на базе конкретного социального целого, причем связь индивида и сообщества носит исторический характер, обусловленный особенностями социальных отношений. Воспитание, трансляция правил и ценностей, социализация в целом обеспечивается в первую очередь повседневным межличностным общением. Т.о. повседневное сознание есть отражение особенностей условий жизни любой социальной общности, её интересов и стремления к самобытности. В процессе повседневной коммуникации человек раскрывает себя, самореализуется и становится

объектом для привлечения опыта других людей и восприятия основных составляющих городской идентичности.

Непосредственная связь человека и города, выражающаяся в проживании на его территории, постоянных контактах с местным сообществом, восприятию и трансляции принятых норм и ценностей дает прямую возможность самоидентифицировать себя как элемент определенной системы. Но очень часто можно увидеть примеры сохранения черт городской идентичности даже у тех индивидов, которые в течение некоторого времени находились за пределами города. Данный аспект заставляет особое внимание обратить на символические факторы городской идентичности. Её основами, отражающимися в повседневном сознании, можно назвать городские мифы и мифологемы. В них выражаются представления жителей о прошлом, настоящем и будущем города с обязательным включением идеальных представлений о нем. Повседневное сознание наделяет «свой» город, его культурные традиции и историю, сугубо положительной оценкой, в то время как «чужие» зачастую оцениваются отрицательно. Эта же тенденция прослеживается в противопоставлении «коренные жители» — «пришлые», «понаехавшие», поскольку через принадлежность индивида к городу определяется степень принадлежности к общности.

К. Хьюбнер в книге «Истина мифа» пишет: «Нация определяется согласно своей истории и пространству, в котором эта история отображалась» [4, с. 325]. Соответственно, городская топонимика тоже воспринимается через призму мифологии. Интересны в данном контексте топонимы, отражающие этническое прошлое региона. Примером служит село Русское (Шумячский район Смоленской области). Свое название оно получило потому, что вокруг него в недалеком прошлом располагались нерусские (белорусские) селения, что отражает повышенное стремление к самоидентификации и отграничению от соседнего этноса. Следует отметить, что название может качественно изменить отношение к пространству, что осуществляется через переименования улиц и ключевых пунктов города, сносе старых и возведении новых памятников.

Огромное значение для формирования городской идентичности имеют знаковые места — участки пространства, имеющие определенные семиотические характеристики, т. е. осмысляемые «с помощью историко-культурного, социального, политического, географического воображения на основе реальных или вымышленных событий» [1, с. 58]. Значение «знакового» место приобретает только в сознании людей, ассоциирующих себя с внутренними смыслами

данного пространства. Способность воспринимать либо воспроизводить конкретные знания о месте, его образе необходима для поддержания собственной идентичности.

Знаковые места находятся в тесной связи с локальными мифами и историями, так как помогают воспроизводить и транслировать их в повседневном сознании, давая опору в виде регулярных и семиотически насыщенных топографических событий. Малоизвестные, на первый взгляд незначительные образы, заключающиеся в истории улицы, дома, человека, детали ландшафта, играют огромную роль в концентрации и интерпретации локальных событий в создании образа города, отражающегося в повседневном сознании.

Особую актуальность символическим факторам придают именно современные реалии, обусловленные глобализацией и распространением капиталистической экономики. Для повседневности же характерно напряженно бодрствующее состояние сознания, целостность личного участия в мире, представляющем собой совокупность самоочевидных, не вызывающих сомнения в объективности своего существования форм пространства, времени и социальных взаимодействий. Концепты нации, этноса, государства размываются, растет интенсивность горизонтальной социальной мобильности, что зачастую негативно сказывается на повседневной жизни общества. Городская идентичность позволит добиться стабилизации повседневности, возвращая ей основное качество — быть опорой человеческого бытия в меняющемся мире.

Список литературы:

1. Дягилева Н.С. Теоретические аспекты городской идентичности / Н.С. Дягилева // *Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы*. Екатеринбург: УрФУ, 2013. — С. 54—59.
2. Замятин Д.Н. *Культура и пространство: Моделирование географических образов*. М.: Знак, 2006. — 488 с.
3. Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // *Гуманитарная география: научный и культурно-просветительный альманах*. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. — с. 276—323.
4. Хюбнер К. *Истина мифа*: Пер. с нем. М.: Республика, 1996. — 448 с.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Плотников Андрей Андреевич

*аспирант кафедры методологии, истории и философии науки
Нижегородского государственного технического
университета им. Р.Е. Алексева,
РФ, г. Нижний Новгород
E-mail: styleperson@mail.ru*

PHILOSOPHYCAL COMPREHENSION OF THE SOCIAL CONFLICT

Andrey Plotnikov

*graduate student of department of methodology, history and philosophy
of science, Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev,
Russia, Nizhny Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи состоит в проведении философского анализа категории конфликта в рамках его сущностной природы. Методами системного и структурно-функционального подхода были установлены общие закономерности и логика процессов, основанных на внутренних противоречиях вещей, показан их созидательный аспект. Обнаружена потребность анализа смысла феномена конфликта с ростом уровня полипредметности и эклектичности научного знания.

ABSTRACT

The purpose of this article is the conflict category philosophical analysis in the framework of its essential nature. Using the systems method and structural-functional approach we established the general laws and processes logic based on the internal contradictions of things, there was shown their creative aspect. There was found a need of sense analysis of the conflict phenomenon due to increase of levels of scientific knowledge eclectics.

Ключевые слова: конфликт; противоречия; философский анализ.

Keywords: conflict; contradictions; philosophical analysis.

Феномен социального конфликта всегда был неотъемлемой частью человеческого общества и изменялся вместе с ним. Из примитивного явления первобытных народов конфликт социальный вырос в мощнейший высокотехнологичный, сотканный из огромного количества причинно-следственных связей, социумформирующий механизм. При этом философское осмысление, как и сущностный анализ социального конфликта, имеет глубокие истоки и определенную эволюцию, на которой мы, прежде всего и остановимся.

Еще до появления самого понятия конфликта как такового, представления о противоречиях существовали еще в глубокой древности. Противоречивость процессов происходящих в мире природы и человеческом обществе воспринималась как нечто вездесущее, данное изначально. Отдельные мыслители, в частности древнего Китая VII—VI вв., доводили эту мысль до предельного уровня, полагая, что противоречия в природе, выраженные в вечной борьбе противоположных сущностей, собственно, и являются основой всего сущего, процессов формирования жизни и мироздания [3, с. 46—69; 4]. Похожая интерпретация конфликта, как некоего созидательного абсолюта возникла в древней Греции. Это и «апейрон» Анаксимандра, и диалектика Гераклита, с его непрестанно сменяющимися друг друга процессами восхождения и захождения. Позже конфликт стал рассматриваться греческими мыслителями в рамках общественной системы, в частности, фигурировал в вопросах войны и мира, социальной жизни и светской этики [1; 5; 6]. Именно с этого момента категориальный аппарат конфликта стал постепенно переходить из плоскости вездесущего в плоскость социальных отношений. Потерялась глубина философского смысла этого явления, закономерности конфликта обрели прагматичные черты и стали исследоваться на прикладном, повседневном уровне, некогда величественный, стихийный и основополагающий феномен был заперт в рамки практической формальности и поверхностности.

Дальнейшее развитие общественных наук лишь усугубило этот процесс, конфликт стал проникать в отдельные сферы научного знания, где уже имел собственные, зачастую ситуативные атрибуты и свойства. Возникает необходимость возвращения первоначального, истинного смысла этому явлению, былой значимости в процессах, происходящих как в социуме, так и независимо от него. Конечно, такое мистическое, пропитанное мифологическими картинками и предрассудками, представление конфликта, присущее первым цивилизациям, не может соответствовать современной действительности, ведь мы находимся в позиции, когда уже пройден путь грандиозных

открытий в области естественных наук, что позволяет нам избежать многих ошибок, совершаемых в древности. Более того, мы обладаем уникальной возможностью «встроить» результаты полученных открытий в общую картину конфликта.

В философском представлении конфликт является частной, крайней формой общефилософского понятия противоречия. Хотя существует множество определений этого явления, в данном случае нас интересует его отдельный диалектический аспект. Метафизическое понимание противоречия как порождающее все сущее, первоначальное движение, создающее «энергию» для процессов развития. Заметим, что представленная сторона лишена каких-либо сверхъестественных, религиозных и мистических моментов, а лишь представляет категорию в наиболее общем, абстрактном виде. Проследить обозначенную созидательную закономерность противоположностей нам помогут примеры из области современного научного знания.

В молекулярной физике доказано, что вся материя на нашей планете состоит из элементарных частиц — атомов, в основе которых лежат противоборствующие силы: положительно заряженное ядро и отрицательно заряженные электроны. Вступая во взаимодействие, субатомные частицы образуют нейтральный заряд, который позволяет им держаться вместе, обеспечивая стабильность атома. То есть можно сказать, что внутреннее противоречие порождает энергию позволяющую существовать материи на самом базовом уровне. Далее мы можем найти похожую связь и в мире природы, где пример противоположностей как созидательной основы также можно обнаружить, наблюдая круговорот противостоящих с точки зрения логики процессов жизни и смерти. Погибая, организмы предоставляют возможность жить и развиваться другим, являясь для них пищей или кровом. Эти естественные процессы уже детально изучены исследователями в области биохимии и не могут вызывать сомнения, однако, как известно, поиск смысла не относится к проблемному полю точных наук. Мы можем привести еще множество подобных примеров, где противоположности лежат в основе созидания, что уже позволяет нам судить о достоверности данного суждения. Но для окончательного вывода, нам необходимо убедиться в наличии подобной логики также и в мире социума.

В истории науки достаточно распространенным методом исследования социальных процессов является проведение аналогий между миром природы и социальной системой, перенесение их зависимостей и закономерностей. Наиболее известны в этом направлении труды социал-дарвинистов, которые, к слову, весьма

буквально интерпретировали эту мысль [2]. Спроецировав противоречивые законы природы на координатную сетку социальных процессов, мы сможем пронаблюдать определенное сходство, однако с существенными поправками. Как известно, социум — это порождение человеческой культуры, которая имеет свою отличную от мира природы логику. В случае с конфликтом, основным отличием социального конфликта от природного является его характер. Если в природе распространены конфликты радикального характера, как в случае с круговоротом жизни и смерти, с полным разрушением и формированием новых материй, то в социальной среде конфликты призваны стабилизировать отношения между субъектами, вернуть былое согласие или выйти на принципиально новый уровень социального партнерства. То есть, с онтологической точки зрения понятие социальный конфликт немислимо без понятия социального согласия (консенсуса), эти два термина взаимоопределяются друг через друга и в реалистичном обществе не могут существовать по отдельности. Начиная с античных времен такое мнение, сохранилось и в современных исследованиях феномена конфликта. Как раз из этого положения и был сделан вывод о неизбежности конфликта, его неоспоримой включенности в любую систему социальных отношений.

Список литературы:

1. Богомолов А.С. Античная философия / А.С. Богомолов. 2-е изд. М.: Высшая школа, 2006. — 390 с.
2. Кон И.С. Социологическая концепция Герберта Спенсера / И.С. Кон. История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М.: Наука, 1979.
3. Конфуций. Китайская философия [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [www.url: http://www.confucianism.ru/](http://www.confucianism.ru/) (дата обращения 27.05.2015).
4. Мартыненко Н.П. Предпосылки возникновения концепции «инь-ян» в китайской культуре / Н.П. Мартыненко // *Argbormundi. Мировое дерево. Международный журнал по теории и истории мировой культуры.* М., — 2006. — № 12. — С. 46—68.
5. Мотрошилова Н.В. Беспредельное ["апейрон"] в философии Анаксимандра / Н.В. Мотрошилова. История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. М.: Греко-латинский кабинет, 1995. — С. 45—49.
6. Хайдеггер М. Гераклит / М. Хайдеггер; пер. с нем. А. Шурбелев. М.: Владимир Даль, 2011. — 504 с.

3.3. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

СВЯТАЯ РУСЬ И РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Бедаев Александр Иванович

*аспирант кафедры философии АГУ,
РФ, г. Астрахань*

E-mail: sascha.bolgow2012@yandex.ru

HOLLY RUSSIA AND RUSSIAN MEDIEVAL ART: PHILOSOPHICAL ASPECTS OF MUTUAL INFLUENCE

Aleksandr Bedaev

*post-graduate student of Chair of Philosophy, Astrakhan State University,
Russia, Astrakhan*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье даётся общее значение понятия «Святая Русь» и рассматриваются некоторые особенности включения Русской земли в семиотическое поле Святой Руси. На основании конкретно-исторического подхода, автор приходит к следующим выводам: Святая Русь может пониматься и как идея, и как зримое воплощение сакрального в виде определённой знаковой системы, т. е. семиотического поля. Вместе с тем, оба эти аспекта взаимообусловлены существованием друг друга, способствуя как расширению сакрально значимого пространства, так и углублению идейной нагрузки уже имеющихся семантических образов.

ABSTRACT

The article suggests a general meaning of notion “Holly Russia” and considers some peculiarities of Russian land being included into the semiotic field of Holly Russia. Based on the concrete historical approach, the author makes the following conclusions: Holly Russia can be understood as an idea and as a visual embodiment of the sacred in the form of a certain sign system, i. e. semiotic field. At the same time the two aspects are

mutually conditioned, thus contributing to expansion of the sacred space and deepening of the ideological load of the existing semantic images.

Ключевые слова: Святая Русь; иконография; сакральное пространство; семиотическое поле.

Key words: Holly Russia; iconography; sacred space; semiotic field.

О Святой Руси в русской литературе впервые заговорили в XVI в. — Максим Грек и Андрей Курбский. В XVII в. выражение «Святая Русь» становится фольклорным. Идея Святой Руси упоминается в работах славянофилов — А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина и др. Понимание идеи Святой Руси в это время пока ещё определённо не ясно. Впрочем, уже тогда высказывается верная мысль, что в поиске содержания идеи «Святая Русь» необходимо обращение к памятникам не только литературы, но и искусства [5]. Вероятно, неслучаен поэтому, тот интерес, который наблюдался у исследователей и любителей древностей того времени (XIX в.) к собиранию песен, сказок, литературных произведений Древней Руси, икон и пр. В XX в. ситуация с пониманием идеи Святой Руси несколько проясняется: в 1988 году при поддержке ЮНЕСКО проводится международный симпозиум, посвящённый 1000-летию крещения Руси, пишутся работы С.С. Аверинцевым, Ю.М. Лотманом, В.Н. Топоровым, Б.А. Успенским и др. Продолжает этот вопрос волновать и современных исследователей, о чём говорят работы Ю.Ю. Булычева, В.В. Лепихина, Л.Е. Морозовой и других учёных. Общий анализ проделанной исследователями работы позволяет говорить о Святой Руси как о некой знаковой системе или семиотическом поле. Ещё И.В. Киреевский писал, что вся заселённая территория Руси была покрыта «...сетью церквей, монастырей, жилищ уединённых отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду одинаковые понятия об отношениях общественных и частных» [5, с. 115]. В настоящей статье нас будут интересовать некоторые особенности того, как сама эта знаковая система вовлекала русскую землю в орбиту своего репрезентирующего образа святости в области русского средневекового искусства.

Исследователями давно подмечено, что строительство города символизировало победу космических, т. е. упорядочивающих сил над силами хаотическими, природными. Характерно, что храм в своём строении повторяет космическую структуру и потому также является зримым воплощением победы Порядка над Хаосом. Разумеется, учитывая христианское значение храма, сюда привносился несколько иной, отличный от языческого понимания Порядка и Космоса смысл.

Таким образом, строительство храма или монастыря означало видимое расширение границ Православия и Православной Церкви.

Святость, являемая тем или иным святым, безусловно, онтологична и восходит к самому Божеству. Собственно, святость подвижника — есть святость Божества, являемая в конкретном человеке — подвижнике. Поэтому поклонение тому или иному святому как будто бы и не зависит от его национальной принадлежности. Учитывая же особенности восприятия православия на Руси, эта граница между православными греками и православными русскими практически незаметна [1]. Однако, как отмечает М.Н. Виролайнен [3], с течением времени происходило постепенное замещение иноязычных святых своими — русскоязычными (далее — русскими — А.Б.), подобно тому, как ранее (в самом начале христианизации Руси) происходило замещение языческих божеств христианскими святыми. Таким образом, семиотическое пространство христианской святости расширялось за счёт проникновения сюда русских святых. Л.Е. Морозова прослеживает соответствующую динамику. Приведём статистические данные от X до XVII в.: X в. — 3 русских святых; XI в. — 27; XII в. — 53; XIII в. — 50; XIV в. — 6; XV в. — 70; XVI в. — 65; XVII в. — 34 [6]. Увеличение количества святых вызывало необходимость создания соответствующих «Житий» и икон. Кроме того, расширяется география распространения святых в Русской земле, появляются местные святые-покровители. Например, покровителем Пскова становится св. благоверный князь Довмонт; покровителями Москвы — святители Пётр, Иона и Алексий; покровителями Русского Севера — монахи Соловецкого монастыря преподобные Зосима и Савватий; Пермского края — святитель Стефан; князя Борис и Глеб уже с XI в. мыслились покровителями всей Русской земли, что, правда, не помешало развиваться широкому строительству храмов, посвящённых Пресвятой Богородице. А создание Стефаном Пермским зырянской азбуки и использование её для надписей на возможно им же созданных иконах, усиливает особое значение Русской земли в деле распространения христианской веры, являя собой пример включения русского влияния в семантическую область аккультурации зырян. В условиях распространения христианства на территории Руси происходит постепенное вовлечение её пространства в «Жития» русских святых. Отныне жизнь святого протекает в пространстве Русской земли, со временем, — уже не той Руси, куда могли быть отнесены и другие народы и страны, исповедовавшие православие, но Русь — с родными названиями — «Новгород», «Москва», «Тверь». И возникновение так называемых «житийных» икон (с клеймами вокруг центрального изображения святого) даёт возможность смотрящему ясно

увидеть расширение сакрально значимого пространства и пространство это — Русская земля — Святая Русь. Вот подвижник уходит в необитаемую для русских людей глушь; затем к нему приходят другие подвижники; наконец, основывается монастырь; монастырь духовно окормляет местных жителей; ученики первооснователя расходятся для дальнейшей проповеди. Что здесь важно — события, касающиеся жизни святого, происходят на Русской земле и с распространением православия земли этой — Святой Руси — становится всё больше.

Идея святости Русской земли, безусловно, связывалась и с той защитой-покровительством, которую оказывали ей Святые Силы — Бог, Богородица, ангелы и святые. Русская средневековая иконография знает сюжеты, которые идею защиты Русской земли воплощают наиболее явственно. Идею защиты неизменно выполняет икона Пресвятой Богородицы, помещаемая над городскими воротами русских городов. Однако имеются и некоторые другие защитные мотивы. Например, ктиторская фреска в Софии Киевской изображает семью Ярослава Мудрого, молящуюся перед Христом за Русь. На одной из фресок в церкви Успения на Волотовом поле (2-я пол. XIV в.) были изображены новгородские архиепископы Моисей и Алексей, предстоящие перед Богородицей с Младенцем. Примечательно, что один из святителей — Моисей держит в руках модель храма [4, ил. 169], что, видимо, также выражает защитную функцию святого. Идея покровительства Руси Богородицею и русскими святыми замечательно представлена местнотимыми или чудотворными иконами. Ведь местнотимая икона по определению должна чем-то отличаться от других икон, а именно — большей чудотворной силой. Русская средневековая иконография не удовлетворяется одной только Владимирской иконой Пресвятой Богородицы, но создаёт целый ряд икон, относящихся к чудесам, бывшим в Русской земле. Сюда можно отнести иконы: Казанскую, Тихвинскую, «Знамение Пресвятой Богородицы», относящуюся к истории Новгорода, Смоленскую, Донскую. Возникновение той или иной иконы сопровождалось определённой историей, связанной с образом Богородицы или какого-либо святого и, тем самым, это увеличивало семантическое пространство, а, будучи связанным с русской землёй и русской историей, — семантическое поле русской святости. Вот почему увеличение числа чудотворных икон, хотя бы и посвящённых одному и тому же святому, не должно пониматься количественно, как ничего не прибавляющее в духовной жизни, т. к. именно из таких образов и создаётся ткань духовного напряжения, духовного творчества и подвига. Эта ткань, касаясь того или иного места, имеющего географические и временные очертания, словно осеняет их,

покрывая как пологом или святым омофором Божией Матери, одновременно с вовлечением их в семантический круг, качественно их преображая.

Возражая г-ну Лоранси, А.С. Хомяков доказывал, что государство на Руси никогда не подменяло собою Церковь [7]. Те же взгляды можно найти и у И.В. Киреевского [5]. Однако А.С. Хомяков смотрит дальше своего друга: он не только не говорит о подмене государством Церкви, но очерчивая границы самого государства православием, вводит понятие соборности. Не вдаваясь в подробности учения А.С. Хомякова о соборности, скажем, что для философа всё общество, в купе с правящей элитой, — есть Церковь. Главное здесь — соборное единство, «единство во множестве» [8], как некая совокупная устремлённость к единственно онтологически значимому — к Богу, к Святости. Однако это воззрение А.С. Хомякова нельзя считать полностью изобретённым им: в XVI в. была написана икона «Церковь воинствующая» [2, с. 386—387]. Данная икона прекрасно показывает, что Церковь земная предводительствуется московским правителем, светским владыкой. Опуская подробный анализ сюжета иконы, отметим, что помимо прочего, можно, наверное, усмотреть в данной иконе, отражение мысли, высказанной некогда константинопольским патриархом в его письме Василию I по поводу места императора в Церкви. И хотя речь в этом письме идёт именно об императоре византийском и никаком другом, после автокефалии Русской Церкви во второй половине XV в. у русского великого князя/царя были основания считать себя предводителем православного воинства на земле. И «священство», и «царство», и государство, и народ, можно сказать, находятся здесь в добром согласии.

Как видим, Святая Русь может пониматься и как идея, и как зримое воплощение сакрального. Вместе с тем, эти два аспекта понимания Святой Руси нельзя представлять изолированно друг от друга: с одной стороны, строительство храмов и монастырей, миссионерская деятельность русских подвижников приводили к осознанию русскими своей страны, как Святой Руси; с другой — сама Русь входила в ткань русской христианской истории, будучи включаемой в многочисленные «Жития», проникая в иконографию через клейма на житийных иконах и новые чудотворные иконы, через включение собственно русских мотивов в иконописание и зырянскую письменность, хотя бы и не имевшую успеха, наконец, через обретение городами или краями своих — русских покровителей, закрепляя за собою тем самым образ Святой Руси.

Список литературы:

1. Бедаев А.И. Большая эсхатология и «ось истории» в домосковской и Московской Руси: опыт сравнительного исследования // Сборник материалов XLVI Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» № 2 (43). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 60—66 с.
2. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI—XVII века. М.: Мысль, 1995. — с. 637, [1] с.: ил.
3. Виролайнен М.Н. Исторические метаморфозы русской словесности / Мария Виролайнен. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. — 495 с.
4. Вздорнов Г.И. Вологово. Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М.: Искусство, 1989. — 343 с.
5. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Полное собрание сочинений И.В. Киреевского. В 2 тт. / Под ред. М. Гершензона. / Т. 1. М.: Типография Императорского московского университета, 1911. — 288 с.
6. Морозова Л.Е. Святые — нравственный идеал народа на переломных этапах русской истории // Проблема святых и святости в истории России / [отв. ред. А.Н. Сахаров, П. Каталано]; Ин-т российской истории РАН. М.: Наука, 2006. — с. 208—216.
7. Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г-на Лоранси // Хомяков А.С. Философские и богословские произведения / Общ. ред., сост. И вступит. ст. А.А. Попова. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. — (Канон философии) — 400—450 с.
8. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://fanread.ru/book/download/7230880/> (Дата обращения: 12.06.2015).

ШЕФТСБЕРИ И ХАТЧЕСОН КАК ТЕОРЕТИКИ МОРАЛЬНОГО ЧУВСТВА

Зеленский Олег Александрович

*канд. филос. наук, старший преподаватель,
Московского государственного университета экономики,
статистики и информатики (МЭСИ),
РФ, г. Москва
E-mail: zelenskiy87@yandex.ru*

SHAFTESBURY AND HUTCHESON AS THE THEORISTS OF THE MORAL SENSE

Oleg Zelenskiy

*PhD, senior teacher of Moscow state university
of Economics, Statistics and Informatics (MESI),
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Эта статья продолжает серию статей, посвященных предшественникам юмовской моральной философии. Ранее были рассмотрены идеи философского рационализма (Р. Кедворт, С. Кларк), в то время как здесь автор обращается к идеям Шефтсбери и Хатчесона как двух крупнейших теоретиков морального чувства начала XVIII века.

ABSTRACT

This article continues the series of articles which are devoted to the predecessors of Humean moral philosophy. Ideas of philosophical rationalism (R. Cudworth, S. Clarke) have been already discussed, while now the author refers to ideas of Shaftesbury and Hutcheson as the two greatest theorists of the moral sense in the beginning of the eighteenth century.

Ключевые слова: Шефтсбери; Хатчесон; моральное чувство; моральный эгоизм; этический релятивизм.

Keywords: Shaftesbury; Hutcheson; moral sense; moral egoism; ethical relativism.

В данной статье я хотел бы остановиться на двух главных предшественниках юмовской философии, которые поставили в центр морали не разум, а моральное чувство — Шефтсбери (1671—1713) и Хатчесоне (1694—1747). Хотя Шефтсбери (или точнее, Энтони Эшли Купера) и Хатчесона все же нельзя считать первопроходцами морального сентиментализма [3, с. 89], их вклад в критику рационалистических теорий был достаточно велик.

Свои этические идеи Шефтсбери изложил прежде всего в сочинениях «Исследование о добродетели или достоинстве» и «Моралисты». Если первое сочинение близко по форме к философскому трактату, то «Моралисты» могут рассматриваться как неплохое художественное произведение (недаром из всех своих сочинений Шефтсбери более всего ценил второе). Несмотря

на развитие сентименталистских идей, Шефтсбери не были чужды и некоторые рационалистические идеи – здесь проявилось сильное влияние кембриджского платонизма, которое не обошло стороной и его этику и трактовку моральной добродетели.

Одной из ключевых идей Шефтсбери было различие между благостью (goodness) и добродетелью (virtue). Способностью достичь блага наделены многие живые существа, ведь под благом понимается то, что способствует благополучию вида, к которому данное живое существо относится. Однако добродетель, или достоинство, — это нечто, что доступно только человеку благодаря рефлексивной способности, которая позволяет ему выражать свое удовольствие или неудовольствие по отношению к тому, что он ощущает. Это рефлексивное «чувство правильного или ложного» и есть моральное чувство. Именно оно направляет нас к совершенно моральных действий, в то время как разум сам по себе не способен этого сделать. Однако Шефтсбери сталкивается с немалозначимой проблемой объективности морального чувства — где найти объективность, если моральное чувство одного человека выражает удовлетворение определенным объектом, в то время как для другого этот объект вызывает неудовольствие? Шефтсбери еще больше морального рационализма боялся этического релятивизма, и неудивительно, что его теория не позволяла каждому иметь ту мораль, какая ему заблагорассудится. Он фактически признал, что в таком случае моральное чувство само по себе нам не способно помочь, и нужно выделить какой-то объективный принцип, который будет корректировать моральные предрассудки людей. И здесь Шефтсбери приходит на помощь принцип... блага, который как бы включает в себя принцип добродетели, поскольку охватывает не только человека, но и другие живые существа. Таким образом, проверить, являются ли добродетельными мотивы человека, можно спросив, способствуют ли они благополучию человеческого рода в целом. Этот стандарт блага имеет независимый от человеческих чувств характер «вечных мерил» (eternal Measures) [3, с. 94]. А отсюда получается, что сентименталистская моральная психология уживается у Шефтсбери с рационалистической моральной онтологией.

Шефтсбери также развивает не слишком популярную в то время теорию моральной добродетели как красоты. Непопулярность этой теории в тот момент была связана с тем, что красота все время напоминает нам о земном, тогда как моральная добродетель должна нас возвышать над земными потребностями. Однако Шефтсбери смотрит на это под несколько иным углом: моральные поступки

вызывают в нас эстетическое восхищение, в то время как все аморальное воспринимается в том числе и как безобразное.

Многие из идей Шефтсбери были затем развиты в учении Хатчесона. Как и Шефтсбери, Хатчесон выступает против теории морального эгоизма, нашедшей отражение в идеях Гоббса и Мандевилля. Не отвергая многочисленных эгоистических проявлений в поведении людей, Хатчесон все же стремится найти путь к моральному усовершенствованию человека. Если человек *всегда* помогает другим только ради получения собственного удовлетворения, то чем можно объяснить самоотверженные действия людей, когда они, возможно, предполагают, что не получат этого личного удовлетворения? Чем объяснить действия людей во благо семьи и общества, когда они осознают, что, вероятно, погибнут? Можно ли, в конце концов, свести заботу матери о ребенке к чисто эгоистическим интересам? Хатчесон считает абсурдной идею о том, что наше моральное поведение — это лишь продукт пусть и достойных одобрения, но чисто эгоистических интересов.

После издания хатчесоновского «Исследования о происхождении наших идей красоты и добродетели» английский рационалист Гильберт Бернет опубликовал в «Лондонском журнале» статью с критикой морального сентиментализма. Так завязалась довольно интересная полемика, которая потребовала от Хатчесона уточнения своих взглядов, многие из которых затем легли в основу 3 книги юмовского «Трактата о человеческой природе».

Бернет в первую очередь исходит из обманчивости наших чувств. Если наши чувства не выступают стандартом в области познания, и мы часто вынуждены корректировать данные чувств с помощью разума, то на каком основании они должны выступать в качестве стандарта в области морали? В своем другом возражении Бернет говорит о том, что «вещи не кажутся нам истинными или правильными, поскольку они являются прекрасными или приносят нам удовольствие, но кажутся прекрасными или приносят нам удовольствие, поскольку кажутся нам истинными или правильными» [3, с. 157]. Согласно этому возражению, в основе нашего чувства удовольствия/неудовольствия должно лежать не основанное на чувстве моральное суждение. Но эти суждения о том, что такое хорошо, а что такое плохо, берут свое начало в разуме!

Как же ответил на эти возражения Хатчесон? Хатчесон совсем не выступал против коррекции данных чувств нашим разумом. Но этот факт коррекции совсем не означает, что представления, например, о цвете, берутся исключительно из разума. Наш разум корректирует

видимость того, что при определенном освещении, например, желтый предмет может нам казаться оранжевым, но источником представлений о желтом и оранжевом является явно не наш разум. Аналогично обстоит дело и с моральным чувством: хотя наш разум может его корректировать, источником наших представлений о добре и зле является все-таки моральное чувство. Что касается второго возражения Бернета, то Хатчесон исходит из идеи о том, что наш разум не может априорно, т. е. независимо от чувств, формировать представление о целях. Наш практический разум может лишь формировать представления о средствах для достижения той или иной цели, которая уже задана ему, в то время как сам по себе не способен решить вопрос о том, почему *более разумно* морально способствовать благоденствию человечества, чем вести эгоистический образ жизни. Совсем неудивительно, что подобные высказывания могли вызвать бурю негодования. Если отвлечься от контекста, не кошунственно ли звучит, например, фраза Д. Юма, подхватившего идеи Хатчесона, о том, что «я не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец» [1, с. 458]? Однако если более глубоко вникнуть в суть сказанного, то мы увидим, что Хатчесон или Юм не выступают здесь проповедниками аморализма. Их задача — показать, что наш разум не может сам по себе продемонстрировать привлекательность моральной цели (а соответственно, и мотивировать на совершение моральных действий), если она не стала для нас заранее привлекательной посредством морального чувства. Соответственно, Хатчесон и Юм идут дальше Шефтсбери, который все-таки не решился отказаться от идеи вечных объективных моральных стандартов.

Но Бернет все же не остановился на этом, требуя существования таких стандартов, без которых невозможно говорить о необходимости моральных принципов. Не проходит, с его точки зрения, и аналогия между нашими ощущениями и моральным чувством: моральные принципы должны выступать в качестве необходимых, тогда как наши ощущения цвета или вкуса только указывают на то, каким предмет кажется нам, не раскрывая его неизменную сущность. И не впадает ли Хатчесон в моральный релятивизм, отвергая неизменный моральный стандарт?

Обвинения в релятивизме выглядят болезненными по отношению к хатчесоновской теории. Однако отвечает на них Хатчесон довольно тонко: нет никаких априорных оснований отвергнуть моральный релятивизм (поскольку он не содержит в себе внутреннего противоречия), однако это не означает, что подобная теория верна.

Напротив, Хатчесон считает, что моральное чувство у всех людей работает в сущности одинаково. На первый взгляд, довольно спорное утверждение, особенно если учесть, что споры о добре и зле происходят между людьми постоянно. Но эти споры, замечает Хатчесон, скорее вызваны не различиями в представлениях о морали (практически любой человек будет считать моральным то, что способствует счастью человечества), сколько ложными убеждениями, которые принимают за истину некорректные средства достижения морального результата (в качестве источника разногласий между людьми Хатчесон также выделяет неестественные склонности, сформированные в нас в результате каких-то привычек или образования [3, с. 184]). Конечно, хатчесоновский практический стандарт не дотягивает по своей силе до объективного рационалистического стандарта, однако это не означает, что его нужно совсем сбросить со счетов.

Воздействие идей Хатчесона на труды Юма трудно переоценить. Недаром ряд исследователей считает, что юмовское учение о морали — это лишь более четкое и ясное изложение хатчесоновской философии [2, с. 19]. Ряд идей Хатчесона не потерял актуальности и по сей день, тем более что противостоящая его учению идея о вечно заданных моральных принципах имеет гораздо меньше поклонников, чем раньше. Кроме того, Хатчесон, защищая моральное чувство, не впадает при этом в этический релятивизм. Теория Хатчесона поставила под вопрос дедуктивный математический идеал морали, который был популярен в его время.

Список литературы:

1. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1996. — С. 53—655.
2. Capaldi N. Hume's Place in Moral Philosophy. New York etc., 1989. — 381 с.
3. Gill Michael B. The British Moralists on Human Nature and the Birth of Secular Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 359 с.

3.4. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПЕРВИЧНАЯ ДАННОСТЬ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Баранов Станислав Трофимович

*д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии и искусства
Северо-Кавказского федерального университета,
РФ, г. Ставрополь
E-mail: stastb@yandex.ru*

FUNDAMENTAL PRIMARY REALITY OF ORDINARY CONSCIOUSNES

Stanislav Baranov

*doctor of Philosophy, Professor, Department of Cultural Studies and Art
North-Caucasian Federal University,
Russia, Stavropol*

АННОТАЦИЯ

В статье обыденное сознание рассматривается в широком философском плане как уровень познания и как важнейшая форма жизнедеятельности человека. В истории и философии науки понятие обыденного сознания занимает исключительно большое место, оно показывает диалектический, нелинейный процесс познания и процесс развития науки, место и роль в эпистемологии ненаучных способов объяснения природных и социальных явлений. Внимание обращено также на существование первичных нравственных основ в обыденном сознании.

ABSTRACT

In the article everyday consciousness is considered in a broad philosophical perspective, as the level of knowledge and as an important form of human activity. In the history and philosophy of science the notion of ordinary consciousness occupies a very special place, it shows the dialectical, non-linear process of learning and the process of science development, place and role in epistemology of unscientific ways of explaining natural

and social phenomena. Attention is also focused on primary moral foundations of ordinary consciousness.

Ключевые слова: обыденное сознание; «жизненный мир»; феноменология; «интенциональность сознания»; феномены обыденного сознания; моральные абсолюты; архетипы; теоретическое сознание.

Keywords: ordinary consciousness; "life-world"; the phenomenology; "the intentionality of consciousness"; the phenomena of consciousness; moral Absolutes; archetypes; theoretical consciousness.

Обыденное сознание имеет сложную структуру с множеством элементов, каждый из которых занимает определенное место и выполняет свои специфические функции, в том числе и в формировании нравственного профиля индивида [5, с. 1566—1569]. Вырывать из контекста один элемент и противопоставлять другим является грубейшей методологической ошибкой. Часто, особенно в прошлом, обыденное сознание отождествлялось со здравым смыслом, и они писались вместе — «обыденное сознание (здравый смысл)». Понятие обыденного сознания упрощалось, рассматривали его лишь как «рассудочную установку», которая является повторением знакомого и привычного. Отождествление повседневной жизни и здравого смысла порождает ряд логических ошибок, затрудняющих понимание обыденного сознания. По мнению С.Л. Франка, обыденная сфера социального бытия — это, та реальность, которая возникает вокруг человека, когда он в своей повседневной жизнедеятельности руководствуется интересами жизни, содействующими возникновению благоприятных условий [11, с. 187—188]. Тем не менее, реальность, выраженная в обыденной, рассудочной форме — фундамент, основа, толчок к познанию непостижимого, то есть главных философских вопросов, направленных на раскрытие сущности Бытия. Франк непосредственную связь обыденного и теоретического, повседневного и «Непостижимого» иллюстрирует конкретными примерами. Все всеобщее, к познанию которого стремится человек, имеет своеобразное отражение в практической жизни, которое позволит увидеть затем в процессе познания скрытого «знакомое», «самоочевидное». Даже самая абстрактная философская категория «субстанция» генетически происходит из низшего слоя Бытия. Аналогом субстанции в обыденной жизни являются представления о «фундаменте», «опоре», «подставке». Понятию «Бог» соответствуют народные представления о «ремесленнике», «строителе», «властном хозяине», «самодержце». Франк полагает, что то же самое можно сказать о всех остальных

философских понятиях, «с помощью которых мы пытаемся найти последнее «объяснение» всей системы явлений, составляющих мир и нашу жизнь» [11, с. 188]. Русский философ платоновскую идею о «воспоминании души» прокручивает через диалектику обыденного и теоретического сознания. Это позволило русскому философу внести свой позитивный вклад в процесс формирования философии обыденного сознания. Процесс, который описывает Франк, называется обыденноизация научных знаний, который в эпоху бурного научного процесса стал важнейшим элементом формирования современной картины мира. Следует различать понятия «обыденное сознание» и «обыденное мышление», они также различаются как сознание вообще и мышление в целом. В философских энциклопедиях и словарях говорится, что «сознание представляет собой внутренний мир чувств, мыслей, идей и других феноменов» [4, с. 966]. Сознание — предельно широкое понятие, обозначающее факт существования реальной жизни во всем многообразии составляющих его феноменов и функций, обеспечивающих особое положение во Вселенной в целом, земной жизни, в частности. Мышление — это важнейшая функция сознания, его важнейший структурный элемент, непрекращающийся мыслительный процесс. Сознание всегда являлось и в наше время остается объектом всех существующих наук. Несмотря на большие достижения, полученные в результате многовекового научного исследования, сознание предстает перед человеком главной для него загадкой. Известный отечественный философ М.К. Мамардашвили отмечал необыкновенную трудность давать философское понимание того, что называем сознанием. Сознание, писал философ, «весьма странное явление, которое есть и которое в то же время нельзя ухватить, представить как вещь» [7, с. 3]. Обыденное сознание — это реально ежесекундно существующее духовное состояние человека, приносящее ему радость или страдание. Все проблемы сознания имеют, прежде всего, прямое отношение к обыденному сознанию [10, с. 155].

Е.В. Улыбина в монографии «Психология обыденного сознания» пишет, что «в обыденной жизни нормальные взрослые люди действуют, опираясь не на логические выводы, доступные их интеллекту, а повинуюсь совершенно иным тенденциям» [9, с. 94—95], то есть чувствами, интуицией, стереотипами, мифами и т. п. Улыбина, как психолог, при анализе обыденного сознания, естественно, акцентирует внимание на психологических аспектах нашего повседневного сознания. Но роль логического в существовании, функционировании данного вида сознания вместе с тем велика. Без соблюдения законов формальной логики, которая является логикой, прежде всего,

обыденного сознания, люди не понимали друг друга, невозможен был бы диалог между ними. Логика формирует требования к мышлению, которые носят общечеловеческий характер, которые выполняются на интуитивном характере, генетическом уровне. Рациональность обыденного мышления — одна из форм рациональности, важнейший феномен обыденного мышления. В структуре обыденного сознания часто в числе многих феноменов называют иррациональное, которое никоим образом не исключает рациональность повседневного мышления [1, с. 15—17]. Вопрос об иррациональном в сознании человека, это — особый вопрос, который требует глубокого рассмотрения в науке. Как правило, к иррациональному относят веру в приведения, существование души, домовых, леших, чертей и т. п., то есть веру в сверхъестественное. Выдающийся российский мыслитель XIX века Е.П. Блаватская в «Тайной доктрине» неоднократно утверждает, что не существует сверхъестественное, есть явления пока необъяснимые наукой. В основе так называемого иррационального находится рациональное.

Всестороннее научное исследование структуры, функции обыденного сознания, его взаимодействие с другими уровнями и формами сознания имеет не только теоретическое, но практическое значение. Многофункциональность обыденного сознания убедительно доказывал немецкий философ Э. Гуссерль. Он был против противопоставления научного и обыденного сознания, ядро, основу которого он называл «жизненным миром», погруженным в чувственно переживаемое пространство. Более того, по его мнению, основы научного познания находятся в этом мире. Согласно теории «жизненного мира», сфера дорефлексивных фундаментальных очевидностей обыденного сознания изначально по отношению ко всякому виду познания, в том числе и научному. Понятия логики, математики имеют основания в дорефлексивной наивности обыденного сознания. Утрата связей между научными понятиями и обыденным сознанием ведет к кризису рациональности.

В.С. Соловьев внес свой вклад в развитие философии обыденного сознания. Русский философ доказывает существование первичных основ нравственности, которыми являются стыд, жалость, благоговение. Их он еще называет корнями человеческой нравственности, находящими в обыденном сознании человека. Стыд, жалость, благоговение являются основой всех возможных нравственных норм. Все другие нравственные нормы, требования, добродетели всего лишь, по Соловьеву, производное от «первых данных нравственности», «трех основ морали», результат

взаимодействия между ними и умственной стороной человека» [8, с. 204].

Э. Гуссерль был серьезно озабочен тем, что, по его мнению, западноевропейская наука и философия охвачены глубоким кризисом. Ширилось распространение среди образованной части Западной Европы релятивизма и скептицизма, которые подпитывались кантовскими априоризмом и антиномиями чистого разума. Последняя идея немецкого философа позволяла описывать мир как необходимый и случайный, конечный и бесконечный, прерывный и непрерывный, целостный и множественный. Релятивизм и скептицизм вызывали у Гуссерля самый резкий протест, ибо философ считал их разрушительными факторами. Гуссерль видит возможность вывести науку и старую философию из кризиса в феноменах жизненного мира. Немецкий философ формулирует главное понятие своей феноменологии — «интенциональность сознания», которое отрицает образную теорию сознания. Гуссерль отходит от абстрактного понимания сознания, как отражение бытия, под сознанием мыслит, прежде всего, реальный жизненный мир, состоящий из феноменов. Реальный жизненный мир находит в себе самом источник своей достоверности, имеет собственные очевидные идеи (феномены) и, отталкиваясь от них, может понимать и объяснять действительность.

Самостоятельное развитие науки ведет ее к дегуманизации, она перестает приносить человеку счастье [3, с. 79—83]. Что касается философии, то вера в универсальную философию потеряла свое значение. Происходит укрепление главенства науки по отношению к донаучному миру, сфере обычного жизненного опыта. Гуссерль видит спасение науки и философии в тесной связи и взаимодействии с жизненным миром. Немецкий философ становится основоположником и главой феноменологической школы в философии. Главным объектом своей философии считал жизненный мир, а главной задачей поиски несомненных основ познания. Несомненными основами познания являются положения, которые настолько же несомненны, очевидны, самодостоверны насколько же и элементарны для науки. Гуссерль создает метод феноменологической редукции, цель которого изменить установку научного сознания, обычно обращенного к внешнему миру и направить все его внимание на жизненный мир, на его «чистую» структуру. Чистую структуру составляет непрерывный поток переживаний, компонентами которого являются феномены, элементы потока переживания истины. Феномен — это первичная данность и основной элемент сознания, через который только и может быть понятна сущность познания и сознания.

Прохождение теоретического сознания через поток переживаний жизненного мира Гуссерль называет процессом очищения. Происходит очищение научного исследования от всякого рода неявных предпосылок, носящих метафизический характер. В результате феноменологического очищения предмет науки становится чистым, освобожденным от характера чьей-то деятельности, от продуктов каких-то сил. Таким образом, феноменология Гуссерля наделяет ценностью жизненный мир, показывает исключительную важность многогранной деятельности человека и, прежде всего, науки и философии.

Поиск ответов в сфере обыденного сознания на вопросы, заводящие ученых в тупик, является важным методологическим требованием, детерминированным понятиями «интенциональности» сознания и феноменологической редукции [2, с. 694]. Больших успехов в исследовании структуры обыденного сознания достигли З. Фрейд и К.Г. Юнг. В частности, Юнг предположил существование в психике человека так называемого коллективного бессознательного. По его мнению, коллективное бессознательное находится в глубинных слоях подсознания и представляет совокупность архетипов, общечеловеческих первообразов. Архетипы лежат не только в основе мифов, символики художественного творчества, сновидений, но и в основе сознательной деятельности людей, определяют отношения между людьми, физическую картину мира. Архетипы непосредственно не воспринимаются, они проявляются через проекцию на внешние объекты.

Архетипы — произведены длительным историческим процессом, пережитым человечеством за все время его существования. Архетипы, как отмечает Юнг, являются огромным духовным наследием, формой проявления психических сил человека. Центральное место среди архетипов занимает «самость» (das Selbst) как потенциальный центр личности. Швейцарский психолог приводит большой список общечеловеческих первообразов. Например: архетип «Тень» — образ всего низменного в человеке; архетип «Персона» — маска, которой пользуется человек, чтобы скрыть свою истинную сущность; архетип «Анима» — женское начало в мужчине; архетип «Анимус» — мужское начало в женщине и т. д. Юнг указывал на существование архетипов в астрологических символах (планеты, созвездия, аспекты). Архетипы послужили источником в возникновении мифических образов древних народов, кроме того они тесно связаны с символикой и проявляются в сновидениях, художественном творчестве.

Систематическое исследование обыденного сознания в отечественной гуманитарной науке началось в 60—70-е годы XX века.

Главной стимулирующей причиной повышения интереса к проблемам обыденного сознания стало появление возможности знакомства с западноевропейской культурологической и социологической литературой. Западные культурологи были вынуждены обратиться к изучению повседневного, обыденного сознания и мышления для решения актуальных проблем, возникших в процессе развития науки, техники, гуманизма [6]. Гуссерль, Фрейд, Юнг играли ведущие роли в решении названных проблем. Этот вопрос не мог остаться без внимания и советских, российских ученых.

Список литературы:

1. Авдеев Е.А. К проблеме утраты ценностных оснований личностной идентичности в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 4. — С. 15—17.
2. Бакланов И.С., Бакланова О.А., Ерохин А.М., Авдеев Е.А. Формирование социальной идентичности личности в современном обществе // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 5. — С. 694.
3. Бондаренко Н.Г. Типология ценностей в социальной динамике современности // Современная наука и инновации. — 2013. — № 1. — С. 79—83.
4. Всемирная энциклопедия. Философия. Москва, Минск, 2001. — 1312 с.
5. Гончаров В.Н., Попова Н.А. Духовно-нравственные ценности в системе общественных отношений // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 2—7. — С. 1566—1569.
6. Душина Т.В., Баранов С.Т., Бакланов И.С. Философия знания постмодернизма. Ставрополь, 2007. — 129 с.
7. Мамардашвили М.К. Сознание как философская категория // Вопросы философии. 1990. № 10.
8. Соловьев В.С. Сочинения в 2т. Т. I. М.: Мысль, 1988. — 892 с.
9. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. — 263 с.
10. Чагилов В.Р., Баранов С.Т., Бакланов И.С. Обыденное сознание и знание в зеркале социальной философии. Невинномысск, 2006. — 239 с.
11. Франк С. Л. Непостижимое. – М.: АСТ, 1990. – 512 с.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ В ВОСПРИЯТИИ ДАННОСТИ

Воронина Наталья Николаевна

*канд. филос. наук, доцент Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
РФ, г. Нижний Новгород
E-mail: ostin-1975@mail.ru*

THE SYMBOLIC IN THE PERCEPTION OF GIVENNESS

Natalya Voronina

*candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod,
Russia, Nizhniy Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению значений природы символа в гносеологических и онтологических интерпретациях восприятия непосредственно данного. Рассматриваются некоторые сильные и слабые стороны разных акцентов в понимании данной проблемы. Предлагается понимание природы символа, с одной стороны, как выражения в нем непосредственно данного, а, с другой стороны, как присутствия многоуровневой неизвестности. То есть восприятие непосредственно данного предлагается понимать через интерпретации природы символа.

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of symbol nature in the epistemological and ontological interpretations of direct givenness perception. Some of strengths and weaknesses of the different emphases in the understanding of this problem are considered. It is proposed to understand nature of the symbol, on the one hand, as an expression of direct givenness and, on the other hand, as the presence of multi-level uncertainty. That is the perception of direct givenness is offered to understand directly through the interpretation of the symbol nature.

Ключевые слова: символ; непосредственно данное; культура; природа; бессознательное; интерпретация.

Keywords: symbol; direct givenness; culture; nature; unconscious; interpretation.

Те варианты интерпретаций, посредством которых воспринимается в познании данное, представляют собой своеобразное «основание» на котором замыкаются попытки понимания. Но всякая интерпретация обладает некой направленностью, а потому точнее будет сказать, что основа понимания данного — это интерпретации в их направленности. Но направленность интерпретаций — это, скорее, отражение культуры, нежели данного, во всяком случае, направленность интерпретаций — это нечто очень опосредованное культурой, а потому присутствие данного здесь как минимум сильно искажено, а как максимум вообще замещено некими представлениями культуры. Например, из взглядов Э. Кассирера следует, что именно символические формы культуры задают направленность интерпретации. И с этим, с одной стороны, можно согласиться, а, с другой стороны, тут возникает вопрос о том, какова природа символа в гносеологическом и онтологическом смыслах отношения к данному.

Здесь, по-видимому, нужно несколько уточнить понятие «данного», которое по существу можно определить как феномен. Только феномен, в свою очередь, требуется разделить на «феномен воспринятый» и «феномен осознанный» (осознанное в феномене), то есть феномен может быть воспринят на до-познавательном и познавательном уровне. Потому что, если задаться вопросом о том, что познается, то не может идти речи о непосредственном познании феноменальной данности, так как представляется совершенно невозможным отбросить все многообразие культурных интенций. (Попытки феноменологической редукции в этом направлении, при всей их значимости для других вещей, нельзя назвать состоятельными по главной задаче, так как они просто сводятся к переносу той же проблемы на другой уровень.) То есть, можно говорить о том, что феноменальная данность предстает интерпретирующему познанию в виде до-познавательной, многоуровневой латентной интерпретации. Иными словами, в акте познания происходит интерпретация более непосредственного или более опосредованного уровня интерпретации. И понятно, что задача познания — стремиться к непосредственному более, чем к опосредованному уровню интерпретации.

Однако возникает проблема с критерием определения непосредственности или опосредования, так как всегда, по большому счету, неизвестно, насколько может быть непосредствен сам таковой критерий, чтобы относительно него адекватно определять уровень непосредственности. Казалось бы, природное и культурное достаточно очевидны, чтобы можно было говорить об определении непосред-

ственности. С одной стороны, это так, однако само это разделение «природного» и «культурного» зависит от определенной культуры. Например, в религиозных культурах древних народов потусторонние существа — это неотъемлемая часть природы, природного, тогда как для атеистических культур потусторонние существа — это часть культуры. А для философии науки это спорный вопрос о том, в какой степени, например, теология является наукой о природе, а в какой — наукой о культуре. И ответить на этот вопрос, заданный в философском смысле, не просто, так как, попытавшись ответить на него, просто придем к «вечному вопросу» философии об отношении бытия и познания.

По-видимому, говоря о критерии непосредственности, нужно попытаться уйти от тупикового вопроса о сущностной непосредственности, к попыткам определения функциональной непосредственности, где просто «более непосредственным» считать то, что представляется на данный момент познания более непосредственным. И, если исходить из функциональной непосредственности, то символ, символически-интуитивное постижение данного призвано улавливать то, что представляется познающему сознанию основной интенцией бытия по тому или иному вопросу. То есть в символе предполагается содержание интуитивной догадки о непосредственной данности, которую предполагается расшифровывать в интерпретациях пытающихся углубить осознание непосредственного данного. Таким образом, в символе объединяются пред-основания и пред-задачи, то есть общая направленность познания. Соответственно, хотя сам символ является формой интерпретации данного, он в тоже время является латентным основанием и целью познания, потому что предполагает не только некое осознанное содержание, но и стоящую за осознанием интуитивное постижение-догадку. Ведь мысли приходят в голову к человеку из области бессознательного, а символическое выступает, по-видимому, в качестве своеобразной «двери» между сознанием человека и его бессознательным. Если ничего из сознания, кроме общей направленности интерпретации, не может фигурировать в качестве оснований познания непосредственно данного, то требуется обратиться к природе этой направленности, которая имеет бессознательную природу, укорененную либо в культурных, либо в природных слоях бессознательного. А для обозначения общей направленности интерпретирующего познания, которая выходит за рамки осознанного, ничто так не подходит как символическое, которое предполагает в себе нечто большее, чем осознанное в какой-то определенный момент. То есть, чтобы

углублять представление о латентных основаниях или целях познания, необходимо обратиться к интерпретации символа в этих направлениях, то есть можно говорить о внутри-символических интерпретациях, отделяя их от символических интерпретаций непосредственно данного. И вот это-то отделение представляет некую особую проблему, потому что все то, что тут говорилось о символических интерпретациях непосредственно данного, может быть также отнесено и к внутри-символическим интерпретациям символа, который может тоже пониматься как проявление непосредственно данного в сознании. По-видимому, внутри-символические интерпретации символа должны как-то вращаться в кругу интерпретируемого символа, представляя собой другой «герменевтический круг», отличный от «герменевтического круга» в познании непосредственной данности. Эти круги предлагается отличать по предмету интерпретации, где, в одном случае, предметом интерпретации является символ, а в другом случае, непосредственно данное.

При этом следует обратить внимание на то, что отмечают другие исследователи, обращающиеся к проблематике символического в познании: «Символизм создает хаос в мироощущении множественностью своих интерпретаций данности, а человек по природе как-то стремится упорядочить свой мир», — отмечает А.Н. Ткачев [1, с. 223]. И далее, там речь идет о том, что такое упорядочивающее отношение символу предлагается в акмеизме: «Где предлагается упорядочивать неподдающуюся упорядочению данность высшим напряжением своих чувств и желаний. [...] Эклектический, разорванный, непонятный мир упорядочивается действием, порывом движения человека, которое непосредственно исходит из его природы» [1, с. 223]. А ведь акмеизм — это одна из форм символического, где символу придается направленность напряженного жизненного порыва человека. То есть можно говорить о формальных символах (или более формальных символах) и о символах, в которых выражается напряженная жизненная энергия человека. И, разумеется, что интуиция проявляется более в символах, производных от воли, чем в формальных. Хотя это может быть и спорным, потому что речь идет о непосредственной данности, которая еще не воспринята нами в осознанных интерпретациях. Поэтому неизвестно, где больше проявляется непосредственно данное: в волевом или формальном подходе. Многое зависит от того, насколько в волевом или формальном восприятии присутствуют культурные влияния, потому что культурные влияния более склонны исказить восприятие непосредственно данного, чем проявлять его. При этом культуру нельзя полностью отнести

к антиподам непосредственной данности бытия, так как нельзя и человека полностью выделить из бытия. Ведь человек со своими культурами и символами тоже выражение непосредственной данности бытия. Хотя вроде бы есть культуры более естественные, более непосредственные (например, древние и первобытные культуры), и есть культуры более опосредованные деятельностью человека (например, современные культуры с развитой наукой). При этом характерно, что древние символы мифов содержат волевое содержание, как отмечает известный религиовед М. Элиаде: «миф всегда имеет отношение к «созданию», он рассказывает, как что-то явилось в мир» [2, с. 24], в то время как создание, творчество — это более проявление волевого, чем формального. И это далее уточняет М. Элиаде, говоря, что «речь идет не о «внешнем», «абстрактном» познании, но о познании, которое «переживается» ритуально» [2, с. 24]. Только ведь и в опосредованном, в самом процессе опосредования культурой, участвуют интуиции относящиеся не только к культурному, но и к природному. То есть, даже когда идет речь о, казалось бы, явно опосредованном культурой явлении, остается неизвестным, насколько латентно-природное участвовало в этом опосредовании. Например, первобытные мировоззрения предполагают участие в культурных действиях человека природных сил, через которые действуют и потусторонние силы. И религиозные мировоззрения возводят значения действий человеческой культуры к тем или иным формам потустороннего бытия. Аналогичный взгляд присутствует и в религиозной философии, например, у Гегеля, и в следующем из взглядов Гегеля онтологизме.

Таким образом, можно говорить о том, что существует устойчивая точка зрения, предполагающая присутствие непосредственного бытия в явлениях культуры, то есть присутствия непосредственной данности бытия в опосредованном культурой его восприятии.

Только это всего лишь одна из возможных интерпретаций, и даже если согласиться с подобным взглядом, то остается неизвестным, полностью ли непосредственно-данное присутствует в культуре, или у культурного есть некоторая автономия. И, если у человеческой культуры есть некая автономия от непосредственной данности природы, то также неизвестным остаются границы этой автономии. И другие направления интерпретаций, которые проводят более четкое разграничение между культурой и природой и признают, образно говоря, «первородный грех» человеческой культуры, принципиально разделяющий природу и культуру, тоже возникли не на пустом месте. Эти направления возводят свои интерпретации к понятному

и непонятному, к доступному и недоступному, то есть к очевидности нарушения связей между природой и человеческой культурой, и эти различия можно предложить в качестве варианта границы природного и культурного. Оба эти направления интерпретаций отражают по-своему восприятие проблемы познания, и возможно даже, что они не исключают друг друга, если посмотреть на вопрос через призму символического, где символ понимается и как выражение природной непосредственной данности, и как присутствие многоуровневого непостижимого в выражении этой природной данности в культуре.

Список литературы:

1. Ткачев А.Н. Значение проблемы «непостижимого» С.Л. Франка в логике развития русской философии. Вестник ННГУ им. Лобачевского. Серия Социальные науки. — 2009. — № 4. — С. 220—224.
2. Элиаде М. Аспекты мифа М.: Академический Проект; Парадигма. 2005, — 224 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

КОРЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ КАДРОВ В РЫБНОМ ХОЗЯЙСТВЕ САХАЛИНА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кожемяко Евгения Геннадьевна

*преподаватель кафедры общественно-политических дисциплин
ЮСПК СахГУ,*

РФ, г. Южно-Сахалинск

E-mail: Egorova_e_g@mail.ru

KOREAN WORKERS AS A RESOURCE OF PERSONNEL REPLENISHMENT IN THE FISHERY OF SAKHALIN AFTER THE END OF SECOND WORLD WAR

Evgeniya Kozhemyako

lecturer of Socio-Political Disciplines,

*Yuzhno-Sakhalinsk Teachers Training College Sakhalin State University,
Russia, Yuzhno-Sakhalinsk*

АННОТАЦИЯ

Предлагаемая статья имеет целью привлечь внимание, специалистов по истории экономики Сахалина, в частности рыбной отрасли. На основании обнаруженных и проанализированных исторических данных, автор попытался раскрыть вопрос завоза корейских рабочих как источник пополнения рабочих кадров для рыбной промышленности

Сахалина после окончания Второй мировой войны, выявляя основные особенности этого процесса.

ABSTRACT

The article aims to draw the attention of specialists in history of Sakhalin economy, in particular the fishing industry. Based on the detected and analyzed historical data, the author tries to reveal the question of import of Korean workers as a source of working personnel replenishment for fishery of Sakhalin after the end of World War II identifying the main features of this process.

Ключевые слова: рабочие кадры; источники; формы; пополнение; рыбная промышленность; Сахалин; Дальний Восток России.

Keywords: workers; springs; forms; supplement; fishes industry; Sakhalin; Far East of Russia.

В сентябре 1945 г., после победы СССР над Японией, Южный Сахалин стал полностью Советским [13, с. 3]. В связи с этим возможности дальнейшего развития рыбной промышленности Дальнего Востока еще более расширились [14, с. 1], [12, с. 1].

В послевоенные годы советскому правительству предстояло провести большую работу по реконструкции рыбной промышленности, обусловленной большой разрухой вследствие ведения боевых действий на побережье Сахалина, где располагались основные объекты рыбного хозяйства. Однако возникла проблема нехватки населения, что явилось прямой угрозой возникновения «кадрового голода», который был спровоцирован эвакуацией рыбацкого населения японцев. Дело усложнялось отсутствием необходимого количества людей, способных пополнить ряды работников рыбной промышленности [11, с. 38].

«Кадровый голод» в рыбной отрасли послевоенного Сахалина решался за счет следующих источников пополнения рабочей силы: организованный набор (сезонники, переселенцы), внутриотраслевая переброска, завоз японцев, корейцев. Последних вербовали в Северной Корее, на условиях заключения с работниками трудовых договоров [10, с. 28]. Более того, министерство рыбной промышленности обязывало заключать трудовые договоры с корейцами, изъявившими желание работать на предприятиях министерства [5, с. 88].

Количество корейцев. Всего в 1946 г. в рыбной промышленности было занято 27 311 рабочих, из них: советских рабочих — 10 945 чел., японцев — 14 656 чел.) [18, с. 168].

Данного количества работников было недостаточно для развития рыбной промышленности и выполнения государственного плана добычи и обработки рыбы. Так, в 1946 г. для выполнения план вылова и обработки рыбы на Сахалине в объеме 1 500 т. ц. [17, с. 69—70] потребовалось до 32 т. человек. В наличии имелось лишь 10 000, в том числе ловцов 2 500 человек. Разрыв составлял 22 т. человек, в том числе ловцов 17 250. В целях покрытия недостающей рабочей силы к 25 июня 1946 г. на Южный Сахалин было завезено — 2000 т. корейцев, на Северный Сахалин 2102 т. корейцев [4, с. 28].

Таблица 1.

«Сведения о наборе и отправке рабочих на предприятия рыбной промышленности Дальнего Востока по состоянию на 25 июня 1946 года»

	Покрытие потребности:	
	Корейские рабочие	
	Набрано	Из них отправлено на предприятия
Камчатка	10861	8667
Курилы	3437	3437
Юж. Сахалин	2000	2000
Сев. Сахалин	2102	2102
Главамурыбпром	3200	3200
Главприморрыбпром	-	-
Прочие организации	-	-
ВСЕГО:	21600	19406

Таким образом, по состоянию на 1 октября 1946 г. в рыбной отрасли Сахалина /с учетом Курильского государственного рыботреста/ насчитывалось 6816 корейских рабочих.

Необходимо отметить: прибывавшие корейские рабочие не имели опыта обработки рыбы. В результате прибывшие рабочие должны были потратить значительное время для того, чтобы освоить новые специальности.

В докладе министра рыбной промышленности восточных районов СССР т. А. Захарова за № 930 от 8 25 IX. 1948 г. секретарю ЦК ВКП /б/ т. Маленкову Г.М., по вопросу доклада Секретаря Сахалинского Обкома ВКП /б/ т. Мельника, в соответствии с постановлением Оргбюро ЦК ВКП /б/ от 20 сентября, сообщалось о наличии в советской рыбной промышленности в 1947 г. 6,6 т. корейских рабочих [19, с. 62—63].

В соответствии с Распоряжением Совета Министров СССР № 890 — Р от 27/1 — 48 г. на Сахалин было завербовано 8134 корейцев [19, с. 69].

Вербовка корейских рабочих для рыбной отрасли Сахалина проводилась в соответствии с нормативно-правовыми актами, определявшими условия, порядок ее проведения [5, с. 88], [8, с. 26—24], [6, с. 4—3], [7; 4], [2, с. 5]).

Вербовка корейских рабочих производилась в Корее через специально командированных для этой цели вербовщиков Наркомрыбпрома СССР [1, с. 35], [8, с. 26—24].

Исчерпывающие сведения о местах вербовки в Корее в 1946 г. указаны в телеграмме т. Вяткина, находящегося в Сейсине 24/III /март/ — 1946 г., адресованной т. Микояну А.И. и министру рыбной промышленности т. Ишкову. По их поручению, т. Вяткин, с участием группой работников, являвшихся представителями Советской Гражданской Администрации в Северной Корее, объездил побережье Желтого моря. В результате поездки был сделан вывод: «население Северной Кореи, живущее по побережье Японского моря, особенно провинции Северного Хамбиена, насчитывающее 1 200 т. населения, находится в наиболее тяжелом продовольственном положении поэтому, вербовка корейцев возможна только на побережье Японского моря». На основании проделанной работы т. Вяткина, Министр рыбной промышленности СССР — А. Ишков от 27 апреля 1946 г. № 02/253-11 докладывал заместителю председателя Совета Министров СССР т. Микояну А.И. о результатах вербовки корейских рабочих [2, с. 5]. В частности, им сообщалось: в Северном Хамбиене было набрано — 20 тыс. человек; Южном Хамбиене — 15 тыс. человек.

Въезд на территорию СССР завербованных корейских рабочих разрешался в упрощенном порядке по специальным разрешениям, выдаваемым бесплатно Советским Военным Командованием в Корее каждому завербованному рабочему.

Оплата расходов на переезд корейских рабочих от места вербовки до места работы производилась предприятиями Наркомрыбпрома СССР, в дальнейшем министерством рыбной промышленности восточных районов СССР. Нередки были случаи задержки отправки корейцев, и как следствие простой их в портах. Так в Распоряжении Совета Министров СССР № 9930-рс от 21 июля 1948 г. [6, с. 4—3] указывалось на факты не выполнения Распоряжения Совета Министров СССР министерствами морского флота и рыбной промышленности восточных районов СССР о своевременном вывозе корейцев. По сообщению т. Берию Л.П. Министерство морского флота

не выполнило так же Постановление Совета Министров СССР от 27 января 1948 г. о вывозе в первой половине 1948 г. из Кореи в Советский Союз. Длительное содержание рабочих в карантинных пунктах вызвало недовольство среди корейских рабочих.

Трудовые соглашения с вербуемыми корейскими рабочими заключались на срок до одного года, считая время проезда к месту работы в СССР и возвращения в Корею.

Постановление Совета Министров СССР от 16 марта 1947 г. № 570 и Распоряжение Совета Министров от 27 января 1948 г. № 890 вносили следующие изменения и дополнения в условия вербовки: завербованным рабочим выдавалось единовременное безвозвратное пособие в размере 1200 корейских иен сезонным рабочим и 2000 корейских иен постоянным рабочим; выплачивались так же суточные: за время пребывания в карантине по 20 корейских иен в день, за время нахождения в пути следования паромом к месту работы по 5 руб. в день; вместо выдачи риса в количестве 50 кг, завербованному корейскому рабочему выдавался денежный аванс в размере 2 240 корейских вен с последующим утверждением из заработной платы по месту работы эквивалента в сумме 160 рублей [8, с. 26—24].

Завербованным корейским рабочим предоставлялось право переводить через Госбанк чеком по почте или телеграфу в Корею членам семьи до 50 % их заработка, но не свыше 250 рублей в месяц. Однако с 1946 года Госбанку разрешалось производить денежные переводы корейских рабочих семьям в Корею в пределах 100 рублей в месяц [8, с. 26—24]. С момента прибытия к месту работы в СССР корейцам выплачивались за каждый фактически проработанный день от 10 до 15 рублей, в зависимости от выполняемой работы и местонахождения предприятий. По окончании путины рабочим, добросовестно выполнявшим порученную работу и систематически перевыполнявшим производственные задания, распоряжением директора предприятия выплачивалась премия в размерах от 10 до 50 % их заработка за путину.

С 1 января 1946 года на корейских рабочих было распространено советское законодательство об ответственности за нарушение трудовой дисциплины и уклонение от работы, о мобилизации рабочей силы в промышленность, а так же установлен строжайший пограничный режим [17, с. 75]. До Распоряжения Совета Министров СССР № 9541 — рс от 14 июня 1948 г. с заработной платы корейских рабочих производилось удержание взносов на государственный заем по восстановлению и развитию народного хозяйства СССР,

проводившейся среди граждан Северной Кореи, временно работающих на предприятиях рыбной промышленности в Сахалинской области и Хабаровском крае [7, с. 4]. В 1948 г. Косыгин А.Н. по поводу удержания взносов с корейцев писал: «пребывание корейцев на советской территории носит кратковременный характер и при выезде их в Северную Корею возникает необходимость возврата внесенных ими сумм по займу. Поэтому подписка на заем указанных лиц является малоэффективной». Председатель Совета Министров СССР И. Сталин вышеуказанным распоряжением запретил удерживать взносы.

За время работы корейских рабочих на Сахалине Министерством рыбной промышленности давались указания о самом пристальном внимании к удовлетворению жилищно-бытовых нужд корейских рабочих, об улучшении их санитарного обслуживания и применения необходимых мер к предупреждению эпидемических заболеваний. Однако, из переписки по корейским рабочим, становится известно о неудовлетворительном состоянии жилого фонда [15, с. 28]. Сахалинрыбпромом предпринимались попытки улучшения условий проживания корейцев.

Вывоз корейских рабочих, изъявивших желание возвратиться на родину по окончании срока трудовых договоров, согласовывался с Министерством иностранных дел СССР. Как правило, вывоз производился только тех рабочих, у которых заканчивались трудовые договоры. По договоренности с соответствующими властями КНДР, передача возвращающихся из СССР корейских рабочих производилась по железнодорожной станции Хасан-Туманган по именным эшелонным спискам [16, с. 23—24]. Приказ по МРП СССР № 31-П / 143 «Об обмене советских денежных знаков на корейские иены у корейских рабочих при их отправке в Корею» обеспечивал обмен советских денег на корейские иены при отправке из Владивостока в Корею корейцев, работавших в системе Министерства рыбной промышленности Восточных районов СССР (корейская иена (яп. 朝鮮円 *Тё:сэн эн²*) — денежная единица Кореи в период японского колониального правления (1910—1945), заменившая корейскую вону). Для осуществления обмена назначались уполномоченные министерства во Владивостоке. Соотношение устанавливалось 1 рубль к 4 корейским иенам [9, с. 101—102].

Таким образом, проведенный анализ архивных документов, указывает на то, что корейские рабочие являлись существенным источником пополнения кадров в рыбной промышленности Сахалина после окончания Второй мировой войны. В подтверждении этого приведем следующие количественные показатели 1946 г. Тогда

на Сахалин были завезены 4102 т. корейцев; если соотнести показатели, то получится — оргнабор из центра предоставил 3598 т. чел., набор на месте — 831 чел. Следовательно, корейцы были самым многочисленным источником рабочих рук в рыбной промышленности на указанный год.

Список литературы:

1. ГАРФ. Ф. Р – 5446. Оп. 48 а. Д. 1710. Л. 35.
2. ГАРФ. Ф. Р – 5446. Оп. 48 а. Д. 1713. Л. 5.
3. ГАРФ. Р. – 5446. Оп. 48. Д. 1309. Л. 66—65.
4. ГАРФ. Р. – 5446. Оп. 48. Д. 1318. Л. 117; Л. 28.
5. ГАРФ. Ф. Р – 5446. Оп. 49 а. Д. 4151. Л. 88.
6. ГАРФ. Ф. Р – 5446. Оп. 50 а. Д. 805. Л. 4—3.
7. ГАРФ. Ф. – Р – 5446. Оп. 50 а. Д. 3759. Л. 4.
8. ГАРФ. Ф. Р – 5446. Оп. 51 а. Д. 4116. Л. 26—24.
9. ГАРФ. Ф. 9243. О. 1. Д. 78. Л. 101—102.
10. ГИАСО. Ф. 264. О. 1. Д. 216. Л. 28.
11. ГИАСО. Ф. 264. О. 1. Д. 699. Л. 38.
12. ГИАСО. Ф. 1069. О.3. Д. 82. Л. 1.
13. ГИАСО. Ф. 1069. О.3. Д. 204. Л. 3.
14. ГИАСО. Ф. 1069 О.3. Д. 277. Л. 1.
15. ГИАСО. Ф. 264. О. 7. Д. 4. Л. 28.
16. ГИАСО. Ф. 264. О. 7. Д. 8. Л. 23—24.
17. ГРАСПИ. Ф. 17. О. 122. Д. 92. Л. 69—70.
18. ГРАСПИ. Ф. 17. О. 122. Д. 136. Л. 168.
19. ГРАСПИ. Ф. 17. О. 134. Д. 337. Л. 62—63.

**СОВМЕСТНЫЕ БРАЧНЫЕ ПРАКТИКИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ УКРАИНСКОГО НАРОДОЛЮБИЯ
И РОССИЙСКОГО НАРОДНИЧЕСТВА
(ЧЕТА КОВАЛЕВСКИХ)**

Никитенко Анастасия Игоревна

*преподаватель Днепропетровской медицинской академии,
Украина, г. Днепропетровск
E-mail: dnepryanka@yandex.ua*

**MARRIAGE PRACTICES OF REPRESENTATIVES
OF RUSSIAN AND UKRAINIAN NARODNIKS
(COUPLE OF KOVALEVSKI)**

Anastasia Nikitenko

*teacher Dnepropetrovsk Medical Academy,
Ukraine, Dnepropetrovsk*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена опыту совместных брачных практик между представителями украинского и российского народничества. Автор анализирует такие браки на примере четы Ковалевских, привлекая опубликованные и архивные источники, в том числе — малоизвестные письма из архива семьи.

ABSTRACT

The article is devoted to the experience of joint marital practices between the representatives of the Ukrainian and Russian narodniks. The author analyzes the example of such marriages as couple of Kovalevsky, using published and archival sources, including — a little-known letters from family archives.

Ключевые слова: народолюбцы; народники; брачные отношения; Ковалевские.

Keywords: narodolyubtsy; populists; marriage; Kovalevsky.

М. Старицкий в рассказе «Зарница», который посвященному событиям 1870-х гг., рассматривает взаимоотношения супружеской четы — народника Васюка и Гали, идеологически принадлежащей

украинскому народолюбию. Этот опыт брачного общежития оказался неудачным — отношения распались, главным образом потому, что молодые люди переживали острый мировоззренческий конфликт, делающий супружество обоюдно невыносимым. Автора рассказа занимали отношения между приверженцами этих двух течений в пространстве частной жизни, семейных отношениях [14, с. 315].

Таким образом, в данном литературном произведении поднималась проблема, небезынтесная для современного исследователя семейно-родственных отношений, повседневной жизни, идеологических убеждений интеллигенции Российской империи второй половины XIX века. Ее можно сформулировать как супружество представителей разнящихся народнических мировоззрений. В интересующем нас случае — это брак между российскими и украинскими народниками, участниками движений, имеющих одновременно и общие черты и существенные отличия.

Научное изучение проблемы имеет достаточно противоречивый характер. В украинской, российской, западной историографии фактически не освещаются такие брачные союзы, упоминания о них мимолетны и не становились предметом специального анализа [1, с. 220—222]. С другой стороны, в трудах российских и зарубежных историков накоплен довольно большой опыт анализа взглядов на супружество, нравственные убеждения, сексуальное поведение, повседневные практики народников, в частности — женщин [12; 13]. Такие исследования базируются, в первую очередь, на мемуарной литературе, письмах, дневниках участниц и участников народнического движения, публицистике, беллетристике. В то же время, в личных источниках созданных народниками, немного упоминаний о смешанных браках которые, вне всякого сомнения, имели место быть [2; 11].

Один из таких супружеских союзов — брак между М.П. Воронцовой и Н.В. Ковалевским, видным украинофилом, близким приятелем М.П. Драгоманова. Мария Павловна больше известна как подруга революционного деятеля В.К. Дебагория-Мокриевича, осужденная за вооруженное сопротивление в Киеве 1879-го г., жертва «Карийской трагедии». Это то, что мы знаем о ней из воспоминаний ее соратников, товарищей, политических ссыльных. Существенное дополнение привносят нарративы, принадлежащие кругу общения ее мужа — украинским народолюбцам.

Но наиболее ценным и информативным комплексом источников является архив Н.В. Ковалевского, который находится в фонде № 88 Отдела рукописи Института рукописи Национальной библиотеки

Украины имени В.И. Вернадского. Небольшой фонд включает в себя семейную переписку Ковалевских, а так же прошение на имя министра внутренних дел, составленное сестрой Николая Васильевича [5—10]. Рассмотрение неопубликованных писем позволяет восстановить отдельные моменты их супружеских взаимоотношений, о которых не ведется речь в воспоминаниях современников. Таким образом, цель данной статьи — попытаться рассмотреть брак между представителями российского народничества и украинского народолюбия. Это важно как и в контексте истории семейных отношений демократично настроенной интеллигенции второй половины XIX века, так и ввиду дополнения к биографии М.В. Ковалевской.

Точная дата, когда дворянин Полтавской губернии Н.В. Ковалевский и дворянка Екатеринославской губернии М.П. Воронцова сочтались браком, неизвестна. Если сведения Г.Ф. Осмоловского верны, то это, очевидно 1867 г. Тот же Григорий Федорович вспоминал, что девушка, рано лишилась матери, воспитывалась в отдалении от дома в Одесском институте вместе с сестрой. Это сказалось на формировании ее характера и обусловило ранний брак [11, с. 53]. По словам современника, Марии на момент венчания едва исполнилось 18 лет. Ее муж, Николай Васильевич, был старше на 8 лет, окончил Киевский университет, потом «Высшие педагогические курсы» в Санкт-Петербурге. На момент вступления в брак он проживал в Киеве и преподавал в Кадетском корпусе, позже — в Курской гимназии [4, л. 1].

Следует отметить, что на Марию Павловну большое нравственное и идеологическое влияние имел ее родной брат, Василий Павлович Воронцов. В юности он увлекся идеями социального равенства, что привело молодого человека в российскую революционную среду, куда позже последовали за ним сестры [4, л. 2].

Николай Васильевич прожил со своей женой совместно меньше десяти лет. Про их общую жизнь известно немного. Г.Ф. Осмоловский утверждал, что в этом браке было трое детей, из которых выжила лишь одна девочка, ее мемуарист ошибочно называет «Анна Николаевна» [11, с. 53]. На самом деле, дочь Ковалевских звали Галина. В других воспоминаниях, а так же в эпистолярном комплексе семьи, сведений об умерших в младенчестве или раннем детстве отпрысках не встречается. В одном из писем к родной сестре, Надежде Васильевне Филиппович, брат умолял ее взять к себе младенца, рожденного вне брака сестрой жены. В то время она содержалась в Санкт-Петербурге под стражей за участие в «деле 193-х». Ребенок родился слабым и быстро угасал. Очевидно, Н.В. Филиппович

не имела возможности исполнить просьбу брата и дитя умерло. Таким образом, есть основания предположить, что Григорий Федорович ошибался [8, л. 2].

Вследствие нехватки фактического материала, отношения между супругами в период их совместного проживания восстановить сложно. Мемуаристы круга общения Николая Васильевича отмечали, что и муж и жена были разочарованы друг в друге [3, л. 9]. Мария Павловна стремилась к народнической деятельности, к своим единомышленникам. Обыск, проведенный у них дома после ареста Лидии Павловны, не только не испугал молодую женщину, но наоборот укрепил ее уверенность в своем политическом выборе [11, с. 53]. Во время пребывания в Киеве, М.П. Ковалевская начала общаться с представителями российских революционных кругов, которые не отвергали террористических методов борьбы [2, с. 376].

В то же время, ее муж с отрочества находился под влиянием М.П. Драгоманова и был последовательным симпатиком украинского народолюбия, членом Киевской и Одесской громад. Известная поэтесса Леся Украинка писала в своих воспоминаниях, что Николай Васильевич скептически относился к насилию и террору, популярных в среде народничества. Таким образом, между мужем и женой оформились существенные идеологические разногласия [4, л. 3]. Деятельность Марии Павловны негативно влияла на карьеру супруга. Его уволили из нескольких учебных заведений. Она привлекла внимание полиции. Полковник Банин, характеризуя ее, писал: «Она... относится к тем передовым вашим женщинам, которые видят цель своего призвания не в собственной семейной жизни, а в революционной деятельности среди народа» [1, с. 200].

По мере того, как женщина все более углублялась в идеалы народничества, совместная жизнь становилась невозможной. Этому способствовало увлечение В.К. Дебагорием-Мокриевичем, к которому она ушла от венчаного мужа предположительно в середине 1870-х гг. Следует отметить, что Владимир Карпович в своих пространственных воспоминаниях говорил о Марии Павловне всего лишь несколько раз, не касаясь их отношений, сухо именовал ее по фамилии — «Ковалевская» [2, с. 376—378]. Об их длительном романе известно из сведений современников, украинских народолюбцев. Часть мемуаристов, особенно И.П. Житецкий осудили этот поступок жены и матери. Малолетняя дочь Галя воспитывалась отцом и проживала с ним [3, л. 9].

Знакомая с Николаем Васильевичем М. Гринченко утверждала, что он спокойно воспринял поступок жены и сохранил с ней добрые приятельские отношения. В то же время она отметила, что супру-

жеская жизнь не удалась, называя главной причиной деятельность Марии Павловны [4, л. 3].

Бывшие супруги не прерывали общения. Муж не запретил фактически бывшей жене общаться с дочерью, даже водил ее к ней на свидание в тюрьму, перед отправлением на этап. Это имело место быть в 1879 г., когда Марию Павловну вместе с рядом других народников арестовали за революционную деятельность. При задержании группа народников оказала вооруженное сопротивление. Именно последнее обстоятельство негативно повлияло на срок приговора. Молодую женщину 29-ти лет приговорили к каторге на 14,5 лет [11, с. 53]. Вскоре, во время «тотлебеновской реакции» в Одессе, когда под следствие и в тюрьму попало много представителей украинской и российской интеллигенции. Арестовали и Николая Васильевича. Его обвинили во многом из-за неблагонадежности М.П. Ковалевской и приговорили к административной ссылке, которую он отбывал в Минусинске [1, с. 200].

Находясь в незавидном положении ссыльного, расстроив свое здоровье, Н.В. Ковалевский пытался оказать помощь бывшей жене. Это выразилось в постоянной денежной поддержке с его стороны, что предоставлялось через посредничество сестры Н.В. Филиппович. В письмах к ней Николай Васильевич часто высказывал просьбы о переводе средств, для оказания вспомоществования Марии Павловне, что имело регулярный характер. По его настоянию бывшей жене был отправлен фотопортрет дочери. В архиве семьи Ковалевских автором статьи обнаружено два письма М.П. Ковалевской, адресованных сестре мужа и дочери Гале [5; 6]. Еще одно написано и отправлено по ее просьбе некой Агатой Мосговой (женщины Карийской каторги устроили акцию протеста и отказались, в том числе от прямого эпистолярного общения с родными) [7, л. 2].

Голодовки и протесты политических ссыльных, тяжелые условия содержания пагубно отразились на физическом и психическом состоянии женщины. В начале 1880-х гг. товарищи начали замечать у нее признаки душевного заболевания. Е.Н. Ковальская отмечала, что у Марии Павловны были приступы безумия, которые со временем становились все чаще и чаще, сменявшееся полной телесной слабостью. Вероятно, об одном из этих приступов она писала золовке, умоляя не посвящать дочку в подробности ее заболевания [11, с. 41].

Ее письма свидетельствуют о том, что женщина сохранила приятельские, добрые отношения с Николаем Васильевичем, который как мог, старался облегчить ее участь. В 1882 г. ему даже удалось добиться ее перевода в больницу Минусинска, где находился в ссылке

сам Н. Ковалевский [8, л. 2]. Это давало им возможность общаться практически каждый день чему, по своим словам, Мария Павловна была очень рада [5, л. 1]. Через определенное время ее снова отправили в Кару, где ее состояние неукоснительно ухудшалось. Н.В. Ковалевского же освободили в том же 1882 г. [10, л. 1]. Он возвратился в Киеве и стал заниматься воспитанием дочери, зарабатывая на жизнь частными лекциями, так как на государственной службе состоять не имел права [4, л. 3].

Подводя итоги, следует сказать, что М.П. Ковалевская погибла во время протеста политических заключенных против телесных наказаний. С группой женщин она приняла яд и скончалась в больнице, отказавшись от приема противоядия. Это событие 1888 г. известно как «Карийская трагедия» и достаточно полно освещено мемуаристами [11, с. 30]. Трагическая кончина матери повлекла за собой смерть Галины, в то время уже замужней женщины. По свидетельствам современников, узнав о происшествии на Карийской каторге, она бросилась под поезд [4, л. 3].

Таким образом, опыт супружества между представителями украинского народолюбия и российского народничества, рассмотренного на примере четы Ковалевских нельзя назвать удачным в традиционном понимании. Неудавшийся брак и идеологические расхождения не помешали бывшим супругам сохранить приятельские отношения и принимать участие в воспитании дочери. Дальнейшее исследование проблемы предполагает проведение анализа на более широком материале, что даст возможность сделать обобщения. Отметим, что данная статья имеет постановочный характер и призвана актуализировать изучение подобных сюжетов.

Список литературы:

1. Буда С. Заслання Мик. Вас. Ковалевського (Ненадруковані стаття та листи М.В. Ковалевського) // За сто літ. Матеріали з громадського та літературного життя України XIX і початків XX століття / ред. акад. М. Грушевського. — Кн. 2. — К., — 1928. — С. 200—223.
2. Воспоминания Вл. Дебогорія-Мокриевіча. Спб.: книгоиздательство «Свободный Труд», 1906. — 600 с.
3. Отдел рукописи Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского Национальной академии наук Украины (далее ОР ИР НБУ НАНУ). Ф. 1. Д. 46880. Л. 9.
4. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. X. Д. 17146. Л. 3.
5. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 19. Л. 2
6. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 23. Л. 1.
7. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 24. Л. 2.
8. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 28. Л. 2.

9. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 29. Л. 2.
10. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 34. Л. 1.
11. Осмоловский Г.Ф. Карийская трагедия // Карийская трагедия 1889: воспоминания и материалы. М.: Государственное издательство Штербург, 1920. — с. 30—55.
12. Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / Пер. с нем. М.: РГГУ, 2005. — 444 с.
13. Пономарева В.В. Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII — начало XX века. М.: ООО «ТИД Русское слово-РС», 2008. — 320 с.
14. Старицкий М. Повести и рассказы. К.: «Дніпро», 1986. — 436 с.

ВОЛГОГРАД ИЛИ СТАЛИНГРАД? СПОРЫ ОБ ИМЕНИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Терехова Софья Алексеевна

*студент Института филологии, журналистики и межкультурных
коммуникаций Южного федерального университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: luckysofi@mail.ru*

Стегленко Елена Владимировна

*преподаватель Института истории и международных отношений
Южного федерального университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: steglenko@sfedu.ru*

VOLGOGRAD OR STALINGRAD? DISPUTES OVER THE NAME IN THE CONTEXT OF RUSSIAN POLITICS AND HISTORICAL MEMORY

Sofya Terekhova

student of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

Elena Stegenko

lecturer of the Institute of History and International Relations Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

Статья освещает проблемы исторической памяти и ее интерпретации в современных политических условиях, а также ее отражение в информационной среде и восприятие общественным сознанием процессов переработки и осмысления исторических событий, управления историческим сознанием и исторической памятью.

ABSTRACT

The article deals with the problems of historical memory and its interpretation in modern political terms, its reflection in the information environment and the perception of the public opinion process «processing» and interpretation of historical events, management of historical consciousness and historical memory.

Ключевые слова: историческая память; общественное сознание; Сталинград; инициативные группы; информационный поток; героическое прошлое.

Keywords: historical memory; social awareness; Stalingrad; initiative groups; information flow; heroic past.

Историческая память обладает удивительной особенностью — удерживать в сознании людей основные события прошлого, вплоть до превращения исторического знания в различные формы восприятия прошлого опыта, его фиксации в коллективном сознании. В отечественной науке данная тема находится в центре внимания интеллектуальной истории. Все большее значение приобретают механизмы формирования исторической памяти (образование, СМИ, места памяти).

Историческая память, в отличие от исторического сознания, актуализирована и избирательна. В кризисных ситуациях она нередко персонифицируется, становится способна превращать формы исторического знания в различные формы мировоззренческого восприятия прошлого.

Для России историческая память о ВОВ играет особую роль, выступая фактором общественного единения и мобилизации моральных сил народа. В настоящее время ВОВ является одной из немногих опор национального самосознания, поэтому так важна память о ней. На сегодняшний день все большую остроту приобретает вопрос о переименовании Волгограда в Сталинград. Имя «Сталинград» в массовом сознании неотрывно связано с героическим прошлым советского народа: «Сталинградская битва» — символ «надлома фашистской армии», а следовательно, и символ силы русского оружия. Отсюда вопрос: может ли возвращение героического имени города служить механизмом для формирования исторической памяти? Для ответа на данный вопрос стоит обратиться к работам Лорины Петровны Репиной, по мнению которой для формирования исторической памяти важны три процесса: 1) «забвение прошлого»; 2) различные интерпретации фактов и событий; 3) актуализация прошлого, связанная с текущими проблемами [12].

Заметим, что особенно яркие споры разгораются в моменты проведения торжеств к юбилейным датам. Так, правительством Волгограда в преддверии празднования 70-летия Сталинградской битвы было принято решение о том, что город будет называться Сталинградом всего несколько дней в году, а именно — в наиболее значимые даты, относящиеся к Великой Отечественной войне.

По словам депутатов Государственной Думы РФ, документ об использовании названия «город-герой Сталинград» в памятные дни был принят на основании многочисленных обращений ветеранов [7]. Кроме того, депутаты намерены выступить с очередной инициативой о переименовании одной из площадей Москвы в Сталинградскую и об установке на ней памятника Сталину. Однако вопрос о переименовании поднимался и ранее. Инициативы исходили от разных сторон, включая Президента [2]. Этот вопрос неоднократно обсуждался в СМИ.

Цель нашего исследования — попытка проследить, как память и ее интерпретация становятся инструментами политики и как данный процесс может восприниматься общественностью. В качестве примера рассмотрен вопрос об изменении имени города Волгоград.

Источниками для данного исследования стали массивы периодической печати, размещенные в Интернет-ресурсах, форумы, блоги, персональные страницы политических деятелей, официальные сайты органов государственной власти, дающие оценку переименования города с позиций общества и политических деятелей. Среди них следует указать: «Петербургский дневник» — ежедневное издание правительства Санкт-Петербурга [6], «АИФ.RU» [10], сайт «Волга-Медиа» [5], «Волгоградскую Правду» [4]. Характер этих публикаций в целом является лишь информационной иллюстрацией к проблеме. Авторы статей стараются избегать оценочных суждений и поспешных выводов, оставляя большей частью нейтральные или же положительные отзывы.

Более активную сторону в обсуждении этой проблемы занимают другие источники: «Независимая газета» [11], «Эхо Москвы» [3], официальный сайт КПрФ [1].

В процессе определения понятия исторической памяти и ее интерпретации мы опирались на работы Мориса Хальбвакса [14], Л.П. Репиной [12], статьи Л.Н. Мазур [9], А.С. и Е.С. Сенявских [13].

Обратим внимание на то, какое значение имеет историческая память о Великой Отечественной войне. В своей статье Александр и Елена Сенявские говорят о том, что последний пик интереса к памяти о Второй мировой войне и роли СССР в ней пришелся на 2005 г. — год 60-летия Победы. Значимость этого события подчеркивается тем обстоятельством, что это прежде всего праздник для ветеранов, для уходящего поколения, из которого мало кто сможет дожить до следующего юбилея [13, с. 303]. То есть это последний юбилей, который отмечается при жизни непосредственных носителей памяти о той войне. Обратимся к определению Мориса Хальбвакса: «История обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно. Поэтому потребность написать историю того или иного периода, общества и даже человека возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя многих свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание [14, с. 34]. Основу исторической памяти человека и общества в целом формирует та коммуникационная и информационная среда, в которой он находится: система образования, медийная среда, контролируемые идеологией и рынком. Основной силой, заинтересованной в контроле над исторической памятью, выступает власть. В современном мире большое значение

приобретает формируемое обществом «историческое пространство», представленное местами памяти, а также праздниками, годовщинами и другими механизмами актуализации и стимуляции исторической памяти [9, с. 245].

Согласно данным СМИ, первыми с инициативой вернуть Волгограду название Сталинград в январе прошлого года выступили представители движения «Профсоюз граждан России». Они передали в администрацию Президента России около 50 тысяч подписей [8]. Ранее подобные предложения поступали и от ветеранов ВОВ. Приняв во внимание исходящую от них инициативу, на встрече с ветеранами ВОВ 7 июня 2014 года Президент России Владимир Путин предложил подумать о том, как провести референдум о переименовании Волгограда в Сталинград. Глава государства подчеркнул, что в соответствии с российским законодательством решение о переименовании принимает сам субъект Федерации. Президент отметил, что в Европе знают название Сталинград, а в Париже есть площадь, названная в честь этого города. Возвращение нашей исторической памяти — это важное дело, и Сталинград станет отправной точкой для правильной оценки русским народом своего великого прошлого и не менее великого будущего. Возвращение городу имени Сталинград — это возвращение достоинства нашего народа, переосмысления самих себя как нации [2].

Таким образом, несмотря на то, что подчеркивается роль инициативной группы со стороны общественности, очевидным становится факт, что наиболее заинтересованной стороной в этом процессе остается власть. Ее положительная позиция в вопросе переименования города также отражена и в высказываниях видных политических деятелей: вице-преьера Дмитрия Рогозина, лидера партии КПРФ Геннадия Зюганова, а также представителя Русской Православной Церкви — Всеволода Чаплина [10].

Противоположные точки зрения звучат со стороны представителей оппозиционно направленной части общества и правозащитников: «Всегда надо помнить о преступлениях, совершенных Сталиным против собственного народа», — заявил агентству историк и правозащитник, глава «Мемориала» Арсений Рогинский. — «Переименование Волгограда в Сталинград послужит не восстановлению исторической правды и исторической памяти, а укреплению мифа о Сталине как творце великой Победы и создателе великого государства. В конце концов, это послужит идее укрепления авторитарной России» [2]. Председатель Волгоградского регионального отделения партии «Яблоко» Галина Болдырева считает

референдум о переименовании города пустой тратой времени и денег: «Я родилась в Волгограде, и мне нравится это название. Сталинградская битва — это история. Так можно много чего переименовать по политическому моменту. Сталинградская битва великая, но город живет сейчас. Я уверена, что жители проголосуют за Волгоград» [10].

Говоря о заинтересованности в переименовании города непосредственно со стороны жителей г. Волгограда, можно опереться на итоги проведенного в рамках данного исследования пилотного социологического опроса. В ходе анкетирования было опрошено 113 жителей города Волгограда, разных возрастов, уровня образования, профессий и политических взглядов. Условно респонденты были разделены на 4 возрастные категории: от 16 до 25 лет, от 26 до 35 лет, от 36 до 45 лет и люди старше 45 лет. Выделив два основных критерия — возраст и образование респондентов, можно сделать следующие выводы.

Активнее всего мнение относительно переименования Волгограда в Сталинград выражают люди от 16 до 25 лет, занимающие активную гражданскую позицию, однако голоса «за» и «против» в этой категории разделились примерно поровну. Это может быть связано с тем, что интерес к прошлому у молодежи не проецируется на реальность, и, как следствие, молодые люди не осознают как позитивных, так и негативных последствий возможного изменения имени города. Наибольший интерес представляет возрастная группа от 36 до 45 лет, мнения в которой разделились особенно сильно. Большинство представителей данной группы выступают против изменения названия города, аргументируя это тем, что историческое имя Сталинград не только возвращает нас к великому прошлому страны и напоминает о победе во Второй мировой войне. По их мнению, Сталинград, наоборот, больше ассоциируется с тоталитарным режимом и негативно повлияет как на внешнеполитическую обстановку, так и на отношение к нашей стране со стороны международной общественности. Это связано с тем, что люди от 36 до 45 лет, во-первых, имеют высшее или же среднее специальное образование, то есть обладают достаточными знаниями из общей истории; во-вторых, они сами родились в СССР, а значит, успели застать очевидцев сталинских репрессий. Кроме того, многие горожане, а именно — 71 % опрошенных, не хотят изменений в силу чисто экономических и бытовых проблем, как-то: затраты на смену паспортов, прописки и прочих документов.

В итоге можем заключить, что какими бы ни были споры, обсуждения в СМИ и результаты возможного референдума, остается очевидным открытое использование самого факта переименования города Волгограда.

Так что же значит переименование города? Для государственной власти — это обращение к национальному сознанию, способ консолидации общества. Для политических элит — попытка заявить о себе, о своей позиции или оппозиции по отношению к официальной власти или использование общественного мнения для решения своих политических задач. Для общества в сегодняшних реалиях готовность или неготовность к переосмыслению исторического прошлого.

Однако сами процессы, вызванные спорами о смене имени, уже — вне зависимости от результата — являются частью исторической памяти. Чем глубже переработка и осмысление обществом исторических событий, тем лучше они запоминаются и дольше помнятся. А значит, широкое обсуждение этого вопроса в СМИ, создание инициативных групп, высказывания политиков — все это создает информационный поток, который становится источником исторической информации. Он же, в свою очередь, испытывает на себе постоянное влияние идеологии, религии, рынка, что впоследствии определяет отбор и интерпретацию исторической информации, а по сути, управляет историческим сознанием и исторической памятью.

Список литературы:

1. Афонин Ю.В. Необходимо вернуть городу на Волге героическое имя Сталинград / [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://kprf.ru/dep/gosduma/activities/138986.html> (дата обращения: 25.03.2015).
2. Волгоград, Сталинград или Царицын? / [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.newsru.com/russia/09jun2014/stalingrad.html> (дата обращения: 25.03.2015).
3. Госдума не поддержала законопроект о переименовании Волгограда в Сталинград / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: echo.msk.ru/news/1500368-echo.html (дата обращения: 25.03.2015).
4. Госдума против переименования Волгограда в Сталинград / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vpravda.ru/News/Society/20008> (дата обращения: 25.03.2015).
5. Госдума РФ проголосовала против переименования Волгограда в Сталинград / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://vlg-media.ru/society/gosduma-rf-progolosovala-protiv-pereimenovaniya-volgograda-v-stalingrad-39785.html> (дата обращения: 25.03.2015).

6. Депутаты Госдумы не поддержали идею о переименовании Волгограда в Сталинград / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.spbdnevnik.ru/news/2015-02-25/deputaty-gosdumy-ne-podderzhali-ideyu-o-pereimenovanii-volgograda-v-stalinsgrad/> (дата обращения: 25.03.2015).
7. Депутаты Госдумы подготовили проект обращения к президенту с просьбой о переименовании города-героя / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://izvestia.ru/news/582684#ixzz3amGMIGfE> (дата обращения: 25.03.2015).
8. Коммунисты предлагают Путину переименовать Волгоград в Сталинград и построить в Москве памятник Сталину / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.mk.ru/social/2015/02/05/kommunisty-predlagayut-putinu-pereimenovat-volgograd-v-stalinsgrad-i-postroit-v-moskve-pamyatnik-stalinu.html> (дата обращения: 25.03.2015).
9. Мазур Л.Н. Образ прошлого и формирование исторической памяти / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21845/1/iurg-2013-117-21.pdf> (дата обращения: 25.03.2015).
10. Переименование Волгограда в Сталинград поддержал Дмитрий Рогозин / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.vlg.aif.ru/society/details/1185055> (дата обращения: 25.03.2015).
11. Песков: Переименование Волгограда в Сталинград не входит в prerogative Путина / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.ng.ru/politics/2014-06-10/3_president.html (дата обращения: 25.03.2015).
12. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. — 2004а. — № 5. — С. 33—45.
13. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Вторая мировая война, историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.mgimo.ru/files/120072/23_Senjavskie.pdf (дата обращения: 25.03.2015).
14. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / пер. с фр. М. Габовича // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005 / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 25.03.2015).

**ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭВАКОГОСПИТАЛЯ № 2929 ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ
В Г. НИЖНЕМ ТАГИЛЕ (1945—1950 ГГ.)**

Тицкий Николай Андреевич

канд. ист. наук, учитель МБОУ № 4,

РФ, с. Б. Лая

E-mail: inna-vikto@mail.ru

**FRAU THE HISTORY OF BASE HOSPITAL'S 2929
ACTIVITY FOR THE PRISONERS OF WAR
IN THE CITY OF NIZHNY TAGIL**

Nicolas Titskiy

candidate of Historical Sciences teacher of MBE of Secondary School 4,

Russia, the settlement of Bolshaya Lai

АННОТАЦИЯ

Н. Тицкий, используя архивные источники, исследует некоторые стороны функционирования госпиталя для военнопленных в г. Нижнем Тагиле. Автор приходит к выводу о том, что материально-техническая, медицинская и структурная части находились в удовлетворительном состоянии; по национальному, возрастному, профессиональному, идейному параметрам контингент больных был разнообразным.

ABSTRACT

N. Titskiy explore some parts of operation of the hospital for the prisoners of war in Nizhny Tagil using archival sources. The author have come to the conclusion that material, technical. medical and structural parts were in satisfactory; the contingent of patients was manifolds by national, age related, professional and ideological characteristics.

Ключевые слова: история; госпиталь; врач; медикаменты; военнопленные; больные; лечебная часть; репатрианты.

Keywords: history; hospital; doctor; medicines; prisoner of war; patients; therapeutic part; repatriates.

Города Свердловской области еще в годы Великой Отечественной войны являлись важной здравницей для советских солдат и офицеров. В них также располагались лагеря для военнопленных. Эти обстоятельства во многом и предопределили размещение на Урале лечебных заведений для бывших врагов СССР. В этом отношении не был исключением и г. Нижний Тагил. В 1945—1950 гг. в городе находилось несколько госпиталей при лагерях военнопленных и спецгоспиталь № 2929 для немцев, австрийцев, поляков, венгров, румын, японцев и представителей других национальностей, воевавших против Советского Союза в Великой Отечественной войне. Изучение вопросов проблематики началось с публикаций небольших статей с середины 1990-х гг. [1; 2].

Краткая предыстория лазарета. Госпиталь № 2929 был в составе 3-го Белорусского фронта. После окончания войны 19 июня 1945 г. Он был передислоцирован в город Биробиджан Еврейской автономной области, поскольку военные действия перенесли на борьбу с японской «военной машиной». Здесь госпиталь сразу же принял первую партию военнопленных японцев из гибнущей Квантунской армии. По окончании военных действий на Восточном фронте госпиталь решено перебазировать в Нижний Тагил. На стройки города начали поступать тысячи военнопленных и интернированных из лагерей Германии и других стран Европы. Одновременно из Николаева-на-Амуре в Тагил отправили эвакогоспиталь № 878, чтобы соединить его со спецгоспиталем № 2929 [2]. Еще в 1943 г. В районе Пионерского поселка и рудника имени III Интернационала был вновь организован лагерь № 153, состоящий из новичков-военнопленных. Через год появился лагерь № 245 аналогичного профиля с подразделениями на Уралвагонзаводе и Высокогорском железном руднике. В этих лагерях содержалось на начало 1946 г. около 11 тысяч военнопленных. Возникла острая необходимость более квалифицированной медицинской помощи больным и раненым, хотя первичные медицинские пункты при лагерях уже имелись. Первую партию числом 409 человек госпиталь принял в августе 1947 г. [3, л. 1].

Проанализируем некоторые стороны работы госпиталя. Так, важной составляющей лечебного заведения являлось материально-техническое обеспечение. С момента дислокации в Нижнем Тагиле спецгоспиталь находился на финансировании управления лагеря № 153. С января 1948 г. перешёл к финансовому отделу управления МВД Свердловской области. На содержание одного больного в 1949 г. приходилось 486 рублей 16 копеек в месяц [3, л. 1]. Под военный

лазарет была отведена площадь в 48600 квадратных метров. Все постройки требовали капитального ремонта. Штатное количество коек — 1100. На одного человека приходилось по 2,2 кв. м. [2].

Вентиляционных установок не было, имелись лишь форточки, но их нельзя было использовать из-за заводских труб, расположенных вокруг госпиталя. Это пагубно действовало на туберкулезных больных, которых в общей массе было большинство (1 февраля 1948 г. госпитализировано 164 человека). Имелась дезинфекционная камера на обработку 50 комплектов одежды в час. Госпиталь снабжался водой из водоразборной колонки городского водопровода. Для ремонта белья, обмундирования и обуви работали мастерские — сапожная и портновская. При выздоровлении и выписке из госпиталя в лагерь военнопленные получали добротное бывшее в употреблении обмундирование по сезону. Репатрианты облачались в новую экипировку [4]. Структура госпиталя была сформирована следующим образом. 31 июля 1946 г. начальником назначен майор медицинской службы Сахно Филипп Николаевич (он проработал до ноября 1948 года). В управление госпиталем входили службы: командование, учетная часть, административная часть, медицинская часть. Охраной и режимом занимались зам. начальника военного лазарета и 13 вахтеров. В распоряжении начальника материального обеспечения были заместитель по продовольственному фуражу, два заведующих складами, пожарный, кухня, начальник транспорта и шофер [1]. Транспортный парк состоял из 4 грузовиков и 6 лошадей. Гаража, резины, запчастей не было. Транспортные средства были необходимы для перевозки материалов и продовольствия, а также для доставки в госпиталь заключенных от станции Нижний Тагил. В хорошую погоду перевозили автотранспортом, а в дождь, слякоть, бездорожье от снежных заносов — на лошадях, запряженных в телеги и сани [5].

В госпитале имелись подсобное хозяйство, пекарня, кухня, прачечная. Пекарня даже обеспечивала хлебом и детскую колонию заключенных. В обеспечении продовольствием проблем не было. На складе хранился месячный запас муки, крупы, мяса, рыбы, овощей, сахара. Количество диетических столов — 8. Для дистрофиков организовано дробное питание — 5 раз в день. В мягком инвентаре госпиталь нужды не испытывал. Постельная принадлежность менялась регулярно. В среднем белья на койку было три пары, постельной принадлежности две пары. Больничных халатов было достаточно. Но обуви не хватало

Медицинская часть состояла из нескольких отделений: хирургического, терапевтического, физиотерапевтического, рентгеновского,

зубного кабинета, лаборатории, аптеки, приемной. Лечебная часть была укомплектована специалистами не полностью. Главный недостаток в укомплектовании штата — отсутствие фтизиатра. Тем более основную массу больных составляли туберкулезники, иногда до 170 человек, находящихся на лечении одновременно. Позднее эта проблема была решена, когда начальником туберкулезного отделения стала капитан медслужбы Горячева. В составе хирургического отделения был организован зубной кабинет под началом майора Орлова [7]. Второе место по заболеваемости — сердечнососудистые. Далее — дистрофия, авитаминоз (на 1 февраля 1948 г. всего в лазарете 917 больных, из них случаи дистрофии и авитаминоза у 415 человек) [8].

В это время в госпитале работают 36 врачей, фельдшеров, фармацевтов. Недостаток сестринского состава восполнялся за счет учащихся медицинской школы Нижнего Тагила. Санитаров назначали по необходимости из числа военнопленных. Имелся рентгеновский кабинет, он был открыт еще в 1944 в лазарете лагеря № 153. На консультацию для больных приходилось приглашать из городской медицинской службы — окулиста, дерматолога, невропатолога и врачей других специальностей. К трудностям и слабой стороне медицинской помощи следует отнести: отсутствие палатной системы, ограниченность ряда медикаментов (глюкоза, меркузал, пенициллин, диуретин, соляная кислота и пр.); терапия туберкулеза была неполноценна и крайне недостаточна; отсутствие квалифицированного патологоанатома [8].

За период пребывания в Нижнем Тагиле спецгоспиталь насчитывал 3 реорганизации. Первая — в августе 1947 г., когда госпиталь работал на 1100 коек. Вторая — в августе 1948 г., когда лазарет перешел на штат в 700 коек. Третья — в июле 1949 г., когда был определен штат в 500 коек [9].

Санитарно-профилактическая работа представляла собой сложный комплекс мероприятий. Для предупреждения проникновения инфекций в госпиталь, систематически осуществлялось санитарно-эпидемическое наблюдение за районом расположения госпиталя. Особо обращалось внимание на проведение общесанитарных мероприятий: очистка, благоустройство зоны, озеленение, личная гигиена, борьба с мухами, санитарный надзор за пищеблоком и хлебопекарней, дезинфекция посуды и т. п.

Нельзя отрицать и роль других факторов в восстановлении здоровья ослабленных больных, как, например, питание, трудовая терапия, послеобеденный отдых и т. п. Жидкие питьевые напитки,

обогащенные витамином «С», хвойных настоек — всегда были в рационе больного. Все вместе взятое, ускоряло процесс выздоровления. Большое внимание уделялось лечебной физкультуре и зарядкам.

По данным статистического отчета: с августа 1947 по январь 1950 гг. госпиталь принял 5216 мужчин и 55 женщин [1]. Выписано и репатрировано — 4996 мужчин и 52 женщины [10].

Что же представлял собой корпус военнопленных и интернированных обитателей госпиталя, если говорить об их анкетных данных?

На сентябрь 1948 г. всего в госпитале было 598 человек: старших офицеров — 1, офицеров — 39, унтер-офицеров — 144, рядовых — 375. интернированных — 39 человек. По национальности они были распределены так: немцев — 494 человека, венгров — 25, румын — 15, австрийцев — 7, украинцев — 1, интернированных — 39 [15].

По партийной принадлежности: членов фашистской партии — 17, членов социал-демократической партии — 9, НСДАП — 46, гитлеровской молодежи — 26, коммунистов — 1, беспартийных — 368 человек [15]. Но в октябре количество фашистов почти удвоилось, социал-демократов стало 29, гитлеровской молодежи — 35. По военным специальностям первое место принадлежит пехоте — 346 человек. Затем артиллеристы — 113, саперы — 46, танкисты — 34, СС и жандармерия — 24, связь — 20, санитары — 18. Гражданских специалистов насчитывалось — 24. Это слесари, столяры, пищевики, плотники, шоферы, текстильщики, строители и т. д. [12].

По возрастным параметрам в госпитале лечилось: от 18 до 25 лет — 94 человека, 25—35 — 237 чел., 35—45 — 206 чел., 45—50 — 46 человек. Старше 50 лет — несколько человек [1].

В начале января 1948 г. начинается отправка военнопленных на родину. 7 января 1948 г. в Нижнем Тагиле составлен акт о готовности эшелона к отправке. Все больные перед погрузкой в вагон подвергнуты повторному медицинскому освидетельствованию, как в лагере, так и в госпитале. Медкомиссиями установлено, что все погруженные больные являются транспортабельными с отсутствием температуры [13].

В марте 1949 г. продолжалась репатриация военнопленных из лагерей и госпиталей Свердловской области. Перед отправкой эшелона из г. Нижний Тагил была произведена тщательная проверка, обыск каждого военнопленного, для того чтобы исключить возможность провоза за границу советской валюты и секретных сведений. Репатриации из спецгоспиталя не подлежали 185 человек по оперативным соображениям, 9 человек задерживались, как нетранспортабельные больные. Документально дату ликвидации госпиталя

№ 2929 установить не удалось. В документах фонда № 223 имеется лишь указание на прекращение деятельности лазарета, датированное апрелем 1950 г. [14].

Рассмотренные архивные источники свидетельствуют о том, что материально-техническая часть госпиталя № 2929 находилась в удовлетворительном состоянии, финансовое положение стабильным. Организация работы по лечению военнопленных совершенствовалась, хотя были и определенные трудности в специалистах и медикаментах. Дисциплина и систематический контроль являлись составляющими показателями в успешной работе госпиталя. Контингент госпиталя для военнопленных был разнообразным по национальному, возрастному и идейно-политическому составу. Коллективом лечебного заведения была проделана огромная работа по размещению больных и благоустройству их содержания, что обеспечило достаточно высокий процент выздоровления.

Список литературы:

1. Лузяников О. Стремительный прорыв на восток // Горный край. 2001. 12 сентября.
2. Основина Н. Мы работали на пределе сил // Тагильский рабочий. 1995. 15 сентября.
3. Нижнетагильский Городской Исторический Архив (далее НТГИА). Ф. 223. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
4. НТГИА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 24. Л. 36.
5. НТГИА. Ф. 223. Оп. 1. Д. 24. Л. 45.
6. НТГИА. Ф. 223. Оп. 1. Д. 24. Л. 46.
7. НТГИА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 24. Л. 48—49.
8. НТГИА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 24. Л. 51—53.
9. НТГИА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 24. Л. 65.
10. НТГИА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 48. Л. 25.
11. НТГИА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 51.
12. НТГИА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 74. Л. 24.
13. НТГИА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 81. Л. 41—42.
14. НТГИА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 81. Л. 59—60.
15. НТГИА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 81. Л. 67.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ И ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Шаяхметова Венера Рюзальевна

*канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей истории
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национально-
исследовательский университет»,
РФ, г. Пермь
E-mail: perm_venera.sem@mail.ru*

THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION OF THE PERM REGION AND ATTEMPTS TO SOLVE SOCIAL PROBLEMS

Shayakhmetova Venus

*candidate of historical Sciences, assistant Professor of modern history
“Perm state national research University”,
Russia, Perm*

АННОТАЦИЯ

Современное социально-экономическое развитие Пермского края характеризуется определенными достижениями в развитии рыночных отношений, результатами и темпами реализации социальной стратегии. При участии представителей власти, деловых кругов и общественно-политических объединений идет поиск оптимальных подходов для повышения эффективности социальной политики в регионе. Их усилия концентрируются на решении острых социальных проблем: обеспечение занятости, охрана здоровья и труда граждан.

ABSTRACT

Modern socio-economic development of the Perm region is characterized by certain achievements in the development of market relations, with the pace of implementation of social policies aimed at reducing social disadvantage. With the participation of representatives of Executive and legislative authorities, business circles, public and political associations constantly look for the best approaches to improve the effectiveness of social policy in the region. Their efforts are concentrated on solving the most pressing social issues: employment, public and environmental safety, occupational health and safety of citizens, the preservation of available positions in the field of culture and education.

Ключевые слова: бедность; реформа; социальные проблемы; уровень жизни; социальная защита.

Keywords: poverty; reform; social issues; standard of living; social protection.

С декабря 2005 г. Пермский край существует как новый субъект Российской Федерации, созданный в результате слияния Пермской области и Коми-Пермяцкого округа. Социальный облик и экономическое развитие округа на момент объединения определялся низким уровнем душевых денежных доходов, высокими объемами безработицы и широким распространением социальных патологий, высокой детской смертностью при высокой смертности мужчин трудоспособных возрастов. Административный центр округа — город Кудымкар — не имеет развитой промышленной инфраструктуры, крупных образовательных и медицинских учреждений. Экономически активное население округа выживает за счет самозанятости и получения социальных выплат (детские пособия, пособия по безработице, жилищные субсидии и т. д.).

В структуре доходов Пермского края, как региона «донора», по-прежнему преобладают денежные потоки от деятельности добывающих и обрабатывающих отраслей, производства и распределения электроэнергии и газа. По сообщениям местных СМИ, край занимает ведущие позиции по социально-экономическому развитию в Межрегиональной ассоциации «Большой Урал», которая объединяет Свердловскую, Оренбургскую, Курганскую и Челябинскую области, республики Башкортостан и Удмуртия [1]. Лидерство края закрепилось по таким показателям как среднесписочная численность работающих, объем платных услуг населению, номинальная начисленная среднемесячная заработная плата и реальная заработная плата одного работника и также учитываются сокращающиеся показатели уровня безработицы и задолженности по заработной плате.

Но действительно ли экономическое развитие региона обладает социальной направленностью? Достаточен ли потенциал отмечающейся властной элитой, СМИ и официальной статистикой экономической стабилизации для решения острейших социальных проблем?

По такому индикатору уровня жизни, как среднедушевые денежные доходы населения, в период с 2005 по 2013 г. в Пермском крае отмечается рост доходов (8 273,2 руб. и 26 054,3 руб. соответственно). По оценке краевого управления Федеральной службы государственной статистики реальные, скорректированные на индекс потребительских цен, средние денежные доходы населения в первом квартале 2015 г.

По сравнению с I кварталом предыдущего года выросли на 14,2 %, при этом, несмотря на рост цен на товары и услуги, покупательная способность денежных доходов населения в январе-марте 2015 года увеличилась в сравнении с аналогичным периодом прошлого года [4].

Но нельзя с полной уверенностью утверждать, что в Пермском крае достигнут «относительно стабильный уровень благосостояния», имеющий тенденцию к росту. В крае, как и в целом по России в условиях кризисной современной социально-экономической ситуации, наблюдается замедление темпов роста номинальной начисленной заработной платы и ее покупательной способности. Продолжает усугубляться значительная дифференциация в оплате труда отдельных категорий работников: на одном полюсе — работники бюджетной сферы, а на другом — рабочие нефте- и газодобывающих, энергетической отраслей. Сохраняется дифференциация в социально-экономическом развитии территорий: город Пермь — торгово-промышленный центр с многочисленными учреждениями здравоохранения, образования, социальной сферы и ряд малых городов без развитой социальной инфраструктуры. Особенно проблематична ситуация в Коми-Пермяцком округе, где средний уровень оплаты труда значительно ниже средних показателей по краю, и уровень доходов населения округа — на уровне прожиточного минимума.

Число граждан, испытывавших материальную нужду, за время реализации социальных программ в регионе не снизилось; бедность приобрела устойчивый характер. С учетом обесценивания рубля и, соответственно, инфляционного изменения цен, по оценке Пермстата, потребительские расходы населения края снизились в первом полугодии 2015 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года на 9,7 % [4]. В состоянии бедности в крае находится более 15,1 % населения, и низкооплачиваемые группы вынуждены тратить на покупку необходимых товаров и оплату услуг до 76 % доходов.

Для продолжения детального решения социально-экономических проблем региональными властями была принята обновленная «Программа социально-экономического развития Пермского края в 2006—2010 годах и на период до 2015 года». Представители региональной элиты видели будущее края и г. Перми как центра сервисных услуг, центра корпоративного управления и инноваций: «регион поступательного устойчивого развития», «площадка по реализации инновационных проектов».

В сценарные условия оптимистического варианта развития — варианта без учета неблагоприятных обстоятельств разработчики

внесли показатели роста номинальной заработной платы и сдерживания инфляции [2]. В исходных условиях реализации подобного «оптимистического» варианта сохранялись попытки приблизить реальные доходы населения к темпам инфляции без возможностей ее преодоления или минимизации. При неравномерном распределении доходов, устойчивой бедности широких слоев населения и неблагоприятной демографической ситуации основное бремя сеньоранжа (инфляционного налога) будут нести низкооплачиваемые категории граждан.

При анализе причин неравномерного социально-экономического развития региона можно обратиться к известному определению «проклятие ресурсов» экономиста Джозефа Штиглица. Страны, богатые природными ресурсами, часто отстают в своем экономическом развитии, в них наблюдается высокий уровень безработицы и социальное неравенство. Установка на освоение природных ресурсов для получения быстрой прибыли отвлекает внимание правящей элиты от проблем развития производства и человеческого потенциала. «Проклятие ресурсов» Пермского края сводится к тому, что при реализации многочисленных долгосрочных стратегий экономического развития население не ощущает на себе никакого эффекта от наличия данного богатства. В крае существуют так называемые депрессивные территории, в которых не используются природные ресурсы, рабочая сила и оставшиеся в «наследство» от прежней экономической системы производство и транспортная инфраструктура.

В условиях реформ человеческие ресурсы края потеряли не только количественные, но и качественные характеристики. Резкие темпы убыли населения трудоспособных возрастов отмечались с 1990 г., и причинная структура смертности существенно с этого времени не изменилась. В ней по-прежнему преобладают смертность от несчастных случаев, отравлений и травм, криминального поведения (особенно мужчин в возрастных группах 40—55 лет) и от болезней системы кровообращения и новообразований.

Численность постоянного населения в регионе в первой половине 2007 г. составляла 2723,07 тыс. человек или 2 % жителей России. Краевой центр — Пермь — утратил статус города «миллионера». Если в 2001 г. в Перми проживало 1017 тыс. чел., то в 2007 г. — около 700 тыс. [5, с. 35] Остальные города обладают незначительным количеством населения, и только в Березниках и Соликамске численность жителей превышает 100-тысячный рубеж. Процессы депопуляции резко проявились в первой половине 2006 г., число умерших превысило число родившихся в 1,5 раза [3, с. 5]. Нельзя

не учитывать в качестве фактора, негативно влияющего на социально-экономическое развитие, неравномерное распределение жителей края по возрастным группам, — численность лиц пенсионного возраста превалирует над количеством экономически активного населения.

Многие СМИ утверждают, что материнский (федеральный, региональный) капитал и увеличение размеров пособий по уходу за ребенком подстегнули процесс деторождения. Но представляется, что в основном повышение рождаемости вызвано не столько этими выплатами (детские пособия мизерны, а материнский капитал может использоваться только по определенным направлениям — пенсионное обеспечение матери, ипотека, приобретение автомобиля), сколько с вступлением в детородный возраст поколений конца 70—х–80-х гг. В настоящее время отмечается значительный круг факторов, обуславливающих социальную неудовлетворенность родителей; в первую очередь — коммерциализация услуг образования и здравоохранения, «очереди» в дошкольные учреждения, жилищная необеспеченность и постоянно растущие цены на оплату содержания ребенка в детском саду [6, с. 216—218]. Городская программа «Мамин выбор», призванная частично компенсировать затраты на частные детские сады тем родителям, которые не получили место в детском саду, была закрыта в 2014 г.

Региональные власти предпринимают попытки решить некоторые из них. Так в дополнение к федеральной программе «Жилище» в крае была запущена подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей в Пермской области на 2005—2010 годы». За начальный период реализации подпрограммы количество средств, направляемых на ее финансирование, значительно выросло. В 2008 г. по сравнению с 2006 г. было запланировано потратить из краевого бюджета в 3 раза больше средств (в то время как из федерального бюджета — только в 2,2 раза). В 2006 г. более 1 тыс. семей получили материальную поддержку в рамках реализации подпрограммы, но из-за спекулятивного роста цен на жилье в 2007 г. молодые семьи — участники подпрограммы — были вынуждены вернуть 149 свидетельств, выданных им на приобретение жилья [6, с. 216—218]. Причины в большинстве случаев схожи: либо отсутствие рынка жилья в малых городах края, либо высокая фактическая цена выбранного варианта жилья. Думается, что ни административные и ни какие-то иные меры не позволят в ближайшем будущем добиться снижения цен и, соответственно, добиться позитивных результатов в решении «вечной» жилищной проблемы.

Таким образом, в крае накоплен опыт формирования и внедрения механизмов организации и предоставления помощи социально уязвимым слоям населения на принципах адресности, начата подготовка квалифицированных кадров для работы в социальной сфере. Исходя из анализа местных условий и финансовых возможностей, региональные исполнительные органы власти разрабатывали и реализовывали социальные программы, сохранили и обеспечили функционирование учреждений социальной сферы. Значительных успехов муниципальные органы власти добились в расширении нормативно-правовой базы социального обеспечения, адекватной требованиям либеральной экономики. Разработана система разнообразных социальных услуг и начата деятельность по удовлетворению потребностей населения в социальном жилье, обеспечении лекарственными препаратами, социальном транспорте и т. п. Существует острая необходимость во внедрении инновационных технологий социального управления, ориентированных на преодоление бедности населения и стимулирование развития человеческих ресурсов.

Список литературы:

1. Большой Урал. Ассоциация [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://bigural.ru/contacts/1179233021-rukovoditeli-ispolnitelnoj-vlasti-respublik-i.html>.
2. Исходные условия для формирования вариантов развития экономики Пермского края на период до 2010 года (основные сценарные условия) [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.perm.ru/finances/prognoz/>.
3. Капитал Weekly. 2006. 8 ноября.
4. О денежных доходах населения в Пермском крае в январе-марте 2015 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/resources/ebadf980.pdf.
5. Социальная защита в России: уровень муниципальных образований. М.: изд-во Фонда «Институт экономики города», 2001.
6. Шаяхметова В.Р. Преодоление бедности как стратегическая цель региональной социальной политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведения. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. — 2011. — № 5. — Ч. 4. — С. 216—218.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕННОСТИ ЖИЗНИ ЧЕРКЕСОВ ЗАРУБЕЖНЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

Мусукаев Александр Ибрагимович

*д-р ист. наук, профессор кафедры «Народного хозяйства КБР»
Кабардино-Балкарского государственного университета,
РФ, г. Нальчик.
E-mail: tanmal@bk.ru*

FOREIGN RESEARCHERS ABOUT THE LIFESTYLE OF THE CIRCASSIANS

Alexander Musukaev

*doctor of historical Sciences, Professor of the Department
of "National economy of the KBR", Kabardino-Balkarian State University,
Russia, Nalchik*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию трудов французских ученых об образе жизни и специфике быта черкесов. Подробному анализу подвергаются труды Тебу де Мариньи «Путешествие по Черкесии» и Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа», в которых анализируется история цивилизаций адыгов, особенности их демократического развития, законы гостеприимства, обычаи, обряды, взаимоотношения в общественной жизни, в быту. Ученые приходят к выводу, что черкесы были наиболее значительными по численности и занимали большую площадь, чем другие народы Северного Кавказа.

ABSTRACT

The article analyses French scholars' works devoted to the lifestyle and specific way of living of the Circassians. A detailed analysis of the books written by Tebu de Marigny "Journey across Circassia" and Dubois de Monpere "Travel around the Caucasus" is given in the paper. The authors describe the history of civilization of the Adygehe, feature their

democratic development, laws of hospitality, customs, ceremonies, relationship in public life. The scholars come to a conclusion that the Circassians were the most considerable ethnic group in size and occupied a larger area than other peoples of the North Caucasus.

Ключевые слова: Северный Кавказ; черкесы; общественный строй адыгов (черкесов); сословная иерархия; семья; быт; традиции.

Keywords: North Caucasus; Circassians; social order of Adyghes (Circassians); class hierarchy; family; life; traditions.

«Черкес» — прекрасная и несравнимая ни с какой другой шхуна отправлялась из порта Керчи. Шхуна находилась на службе Российской Армии и её капитаном был гражданин Франции Жан-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи [3, с. 246]. Двадцать девятое апреля 1818 года, 11 часов утра. Название шхуны восходит к одному из «прославленных племен адыгов, сделавшихся в XVIII—XIX веках известными в мировой политике» [6, с. 777].

Кто такие черкесы? Чем они прославились? Почему их именем названа шхуна?

Как известно, Кавказ делится на Северный Кавказ и Закавказье. Природные условия Кавказа оказали серьезное влияние на уровень развития производительных сил, в частности на земледелие и скотоводство у различных народов. Кавказ является сложным в этническом и языковом составе регионом мира. На северо-западном направлении Кавказа (Колхида и устье Дона (Танаиса) в античную эпоху бытовали такие племена, как керкеты, меоты, синды и т. д. Так, в VI—X вв. «наименование «черкесы» стало общим для адыгских племен» [4, с. 247]. В 30-х годах XIII века, в период завоевания Кавказа татарами-монголами, его посетили католические монахи. Они увидели город Матрику (Тамань), побывали у зихов (черкесов) и отправились по реке Кубань на земли алан в поисках родины венгров. Зихия вела постоянные войны с соседями: «каждый местный вождь против вождя, село против села». Во второй половине XV — начале XVI веков на этих землях побывал настоящий этнограф эпохи итальянского «Возрождения», всесторонне подготовленный генуэзец Джорджио Интериано. По своей глубине и профессионализму книга Д. Интериано «Быт и страна зихов, именуемых черкесами [1, с. 46—47]. Достопримечательное повествование» (Венеция, 1502 г.) стала самым значительным исследованием из всего написанного о черкесах до него и многого из того, что будет сделано после него. Она подробно характеризует общественный строй адыгов, социальное положение

всех слоев адыгского общества: он пишет о третейском суде, гостеприимстве, аталычестве, увиденных им семейных отношениях и многом другом. Он называет эту страну «Зихией», а также «Черкесией», а жителей этой страны «именуют себя «адига». В древности черкесы жили в Западной части Северного Кавказа, в районе Кубани и Причерноморья: земли натухайцев были расположены в районе Анапы, вплоть до Геленджика. Это было самое древнее адыгское племя. Черкесов называли военными людьми, воинами. Техника обработки черных металлов в конце VII — начале VIII веков нашей эры свидетельствует о том, что среди меотов было немало мастеров — кузнецов, изготовлявших наконечники копий, стрел, топоры — секиры, колчаные крючки, а главное — ножи и кинжалы, сделанные из великолепно обработанной сыпцово-стали. Это было время начала распространения этноса черкесов.

В домашнем производстве адыгов широкое распространение имели ремесленники. В это время особо выделялось изготовление конского убранства и холодного оружия, особенно кинжалов. Уже тогда была замечена их отличная ювелирная обработка.

Коневодство всегда было у черкесов важной отраслью хозяйства. Уже в первом веке нашей эры оно достигло значительного уровня. Интересно, что примерно к этому времени относятся первые опыты выведения черкесской породы лошадей. «На Северо-Западном Кавказе, между северными границами Колхиды и устьем Танаиса (Дона), в античную эпоху обитали различные земледельческие и скотоводческие племена, известные с VI века нашей эры под названием меотов, синдов, тореотов, керкетов» — читаем мы в редком издании далекого от нас времени. Таким образом, у обитателей степей Предкавказья — кочевых и полукочевых народов — коневодство стало важнейшей отраслью хозяйства.

Французский монах Вильгельм (Гилом) Рубрук в 1253 году упоминает о черкесах, живущих рядом с аланами. Вместе с другими адыгскими племенами они продвинулись на левобережье Терека, а также на территорию Центрального Кавказа, образовав кабардинскую нацию. В первой половине XIV века началась борьба золотоардынских и хулагинских ханов за Кавказ, а позже на Кавказ двинулись орды Тимура. Монголо-татарское нашествие 20—40-х годов XIII века привело к массовому движению адыгских племен в Бассейне. «Оставшиеся вошли в качестве определенного элемента в состав кабардинской народности, смешавшись с пришлыми адыгами» — читаем мы в «Очерках общей этнографии». Таким образом, черкесы стали основой адыгского этноса на Северном Кавказе. Термин

«черкесы» был настолько популярен в быту горских народов, что считалось, если горца сравнивают с черкесами, то они достигли высшего уровня и являются примером для подражания. Традиции воинственного быта у пшавов, натухайцев, бжедугов и других прочно сохранились у всех адыгов.

Среди автохтонов Северного Кавказа прочно сохранилась местная одежда, в частности, единый кавказский костюм: «Памятники изобразительного искусства свидетельствуют, что мужской костюм, кавказский рубахи, праздничные и обыденные вещи менялись только под воздействием времени. Изменилась одежда, сделанная из сукна, в частности, черкеска».

Общественный строй адыгских народов дает обширный материал для восполнения древней истории человечества [2, с. 3]. Социально-экономические отношения адыгов характеризовались переплетением патриархально-родовых и феодальных отношений и домашним рабством. Кавказский материал дает основание для изучения жизни и быта семейной общины, родственных организаций и общины всего села. Черкесы отвечали всем требованиям, которые предъявлялись большой и развитой нации: скромность, воспитанность, трудолюбие и глубокий патриотизм. Все это в итоге и составило счастье народа. Иногда допускались ошибки в межродовых и внутрисемейных отношениях.

Лестница сословной иерархии среди адыгов была сложной. Важнейшее значение имели патриархально-родовые отношения, также немалую роль играло личное достоинство адыга, его личные качества. В связи с бытованием старого общинного уклада здесь имело место сохранение общинных местных богов и почитание местных «крестов» христианства. Все адыгейские народы и племена (натухайцы, шапсуги, абазехи, бжедуги) были известны соседям как «черкесы». Большая часть их обитала в западной части Северного Кавказа, на Кубани и в Причерноморье. Рядом с адыгскими народами жили ногайцы, абазины. В древности абазины жили на черноморском побережье и вдоль реки Бзызь. С XIV века абазины поселились на Северном Кавказе и стали жить с адыгскими народами.

Капитан шхуны «Черкес» Тебу де Мариньи раздумывал над этими и многими другими вопросами. Черкес — это лицо и суть адыгского народа, он совмещает в себе всю национальную ценность культуры адыгов. Любой, независимо от возраста, знает, что представляют собой адыги. Черкесские обычаи — это особый свод правил поведения горцев Кавказа, это призыв к современному и будущему поколениям.

Нередко в изданиях об адыгах можно встретить утверждение о ненужной воинственности адыгов, о жестокости воинов. Но это не совсем верно. Было время военной демократии. Адыги воевали на стороне римлян, имели прекрасное оружие, лучших лошадей, одним словом — они были Воинами. Время шло, а адыги оставались адыгами. Многие современники отмечали: черкес — это пример для подражания каждому воину. Проблема традиции заключалась также в том, что адыги передавали следующим поколениям то, что заслуживает положительной оценки, в расчет брались только прочные нормы общечеловеческой нравственности.

Дневниковые записи капитана шхуны «Черкес» подробно воссозданы в работе Тебу де Мариньи «Путешествие по Черкесии», в которой он продемонстрировал знание множества легенд о Кавказе, знакомство с законами людей свободного края, а также записи о побережье Черного моря, о постройке морских портов, а также важнейшие материалы для научной деятельности. По ходу ведения дневника он размышляет о том, что дружеские отношения и экономические связи способны сближать народы, особенно когда речь идет о непреклонных горцах Кавказа, претендующих на юг России. Он не раз ловил себя на мысли о том, что французские граждане похожи на адыгов в своем величии, достойном поведении по отношению к окружающим.

Федерик Дюбуа де Монпере, швейцарский француз по происхождению, географ, натуралист и археолог по специальности, совершил поездку в 1833 году на Кавказ, в Крым и Закавказье. Впоследствии им был издан труд «Путешествие вокруг Кавказа...», который удостоен Французским географическим обществом «Большой золотой медали». Он посвящает все свое время изучению истории народов Юга России, сотрудничает со знаменитым «Одесским обществом истории и древностей», редактирует труды ученых. Он оканчивает свою жизнь в 1852 году нидерландским консулом в Одессе.

В мае 1833 года на бригантине «Нарцисс» (капитан — Г.И. Романов) Дюбуа де Монпере отправляется в путешествие вокруг Кавказа. Впоследствии в Брюсселе он выпускает «Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму», которая переиздавалась в Париже, Одессе, Симферополе и в Лондоне. Он стал известен в Европе как человек эрудированный, как глубокий специалист в области геологии, истории, этнографии и археологии.

Особенно поражают факты из жизни и быта адыгов. Кроме того, он приводит пример описания арабом Масуди этнических процессов, происходивших с северо-кавказскими народами, также им дана

широкая антропологическая характеристика различных племен, живущих на Западе Северного Кавказа: «Масуди уделяет внимание и традиционной раздробленности в политической и общественной жизни народов на разных этапах их развития».

Древнюю историю адыгов Дюбуа де Монпере начинает со времен основания греческих колоний ахеян, генцохов, милезийцев; городов Диоскурия, Ольвия, Танаиса, Фанагории, Пантикопен, Бата и др. Но в этой безупречной картине всеобщей истории, а также Древнего Рима и Греции поражают талант и научное предвидение автора, позволяющее ему увидеть за мифами и легендами Греции, считавшей себя основой мира, заимствования из духовной культуры тех, кого они называли варварами. Как отмечает дальше Дюбуа де Монпере, на самом деле народ и цари Колхиды, оказавшие радушный прием аргонавтам, а также трояне, тирийцы и другие — все стояли на более значительной ступени цивилизации, чем те искатели приключений, которые приходили к ним, подобно норманнам средних веков, грабить, нарушая все законы гостеприимства. Не случайно, Причерноморье и вообще Кавказ воспевались древними поэтами и певцами как особая и неповторимая цивилизация.

Дюбуа де Монпере писал: «составляя историю черкесов, я поставил главной своей целью проследить их нравы и общественный строй, начиная с того времени, когда мы впервые узнаем о них, и кончая нашими днями; указать на одно замечательное явление, именно на то, как мало изменений претерпело и с каким постоянством придерживалась своих древних обычаев черкесская нация» [5, с. 111]. В этих словах Дюбуа де Монпере кроется определяющая характеристика цивилизации адыгов, жидущаяся на особом, специфическом пути их демократического развития.

Список литературы:

1. Джорджио Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. составитель Гарданов В.К. Нальчик, 1974.
2. Мусукаев А.И. Адыге — черкес — означает воин. // Марзей А.С. Черкесское наездничество «Зеклуэ». М., 2000.
3. Тебу де Мариньи Путешествие по Черкессии. Нальчик, 2002
4. Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.
5. Федерик Дюбуа де Монпре. Путешествие вокруг Кавказа у адыгов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1 Нальчик, 2002.
6. Хафице М. Разбросаны адыги по белому свету. Нальчик, 2000.

4.3. КНИГОВЕДЕНИЕ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБСЛУЖИВАНИИ: ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК

Захарова Наталия Борисовна

*канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского,
Украина, г. Киев
E-mail: natazachar@bigmir.net*

TRADITION AND INNOVATION IN INFORMATION SERVICES: EXHIBITION ACTIVITIES OF THE LIBRARY

Natalija Zakharova

*candidate of Science, Senior Researcher
of Vernadsky National Library of Ukraine,
Ukraine, Kiev*

АННОТАЦИЯ

Автор рассматривает выставочную деятельность библиотек как одну из форм информационного обслуживания пользователей в современных условиях. Речь идет о синтезе традиционного и инновационного способов представления информации.

ABSTRACT

The author considers the exhibition activities of libraries as a form of information service users today. It is a synthesis of traditional and innovative ways of presenting information.

Ключевые слова: информационное обслуживание; выставочная деятельность; книжная выставка; электронные технологии; электронная выставка; виртуальная выставка.

Keywords: information services; exhibition activities; book exhibition; electronic technology; electronic exhibition; virtual exhibition.

Традиционно обслуживание было и остается основной функцией библиотеки любого вида и подчинения. Именно обслуживание является критерием, который формирует образ библиотеки в глазах читателя и общества, создает позитивный или негативный имидж, в зависимости от качества организации ее работы. Библиотечное обслуживание — весьма разносторонний, многофункциональный процесс, который требует научных, научно-практических знаний для его развития в современных условиях и разработки инновационных проектов.

В современном мире, в информационном обществе и в новых условиях библиотеки как наиболее открытые коммуникативные структуры выступают в качестве объектов информатизации, интенсивно осваивая электронные технологии. Оперативно предоставлять потребителю необходимую информацию стало приоритетом в их деятельности.

В XXI веке будущее в деятельности библиотек будут определять именно информационные технологии. Сегодня выставочная деятельность библиотек не только традиционно раскрывает библиотечные фонды, но и стимулирует способности читателей к информационному общению. Современный читатель, пользующийся новейшими техническими средствами, имеет возможность ознакомиться с экспозицией книжной выставки, как в самой библиотеке, так и на ее сайте, он равноправный участник коммуникативного процесса.

Если библиотечная выставка в системе традиционного библиотечного обслуживания является средством удовлетворения потребительского спроса читателей, то виртуальная выставка — это синтез традиционного книжного и новейшего электронного способов предоставления информации.

Одним из главных требований к выставочной деятельности является доступность, которая дает читателям возможность изучать содержание документов. Это касается как обслуживания документами из традиционных выставок, так и электронных. Следует подчеркнуть, что именно информационное обеспечение, т. е. создание совокупности информационных ресурсов, является необходимым условием для информационного обслуживания [3].

Проблемы организации книжных выставок в современных условиях и использования информационных технологий в выставочной деятельности библиотек в последние годы неоднократно становились предметом обсуждения на страницах профессиональных изданий [4; 5; 6; 7; 8].

Выставочная деятельность — одно из самых интересных направлений в информационном обслуживании читателей. Трудно представить научно-информационные или культурно-познавательные мероприятия без сопровождения книжно-иллюстративной выставки. Они остаются самым популярным и одним из базовых средств доведения информации до пользователей библиотек. При этом следует отметить, что с развитием такого информационного ресурса как Интернет наблюдается ослабление читательского интереса к традиционным печатным изданиям. Это относится и к книжным выставкам. Безусловно, время диктует необходимость внедрять инновационные формы и методы работы с учетом, как информационных потребностей читателей, так и новых современных технологий. Так, в последние десятилетия при оформлении выставок библиотеки активно используют компьютерные технологии — при оформлении заголовков, иллюстраций, рекламных афиш и приглашений. Кроме того, сегодня популярны виртуальные выставки, представленные на сайтах библиотек. Учитывая психологию восприятия пользователей, рядом с библиографическим описанием издания, размещают изображения обложек книг и аннотации, раскрывающие содержание. Именно поэтому, важно учитывать приобретенный опыт и умело использовать его на практике.

Организация книжных выставок в Национальной библиотеке Украины имени В.И. Вернадского (далее — НБУВ) с первых лет ее существования была одним из основных средств популяризации литературы. В течение последних десятилетий это направление информационного обслуживания заняло значительное место при проведении комплексных массовых мероприятий: международных научных конференций, тематических и юбилейных круглых столов, семинаров, заседаний ученого совета, презентаций.

Главная цель выставочной работы, как правило, раскрытие фондов библиотеки, а задачи, которые библиотека решает с помощью таких выставок, является привлечение внимания к чтению, облегчение поиска необходимых изданий.

С выставками новых поступлений, как это принято, посетители библиотеки знакомятся в зале новых поступлений, где еженедельно происходит смена экспозиции представленных документов, а информация о них остается в традиционном каталоге и в базе данных подразделения. Важно, что пользователи имеют доступ к информации по тематике, которая их интересует.

Эффективность информационного обслуживания зависит от качества и многообразия услуг, предоставляемых читателю, что

является необходимым условием нормального функционирования и развития современной научной библиотеки.

Выставки по актуальной тематике и важным проблемам современности, персональные выставки и выставки к знаменательным и памятным датам готовятся по тематическому плану различными подразделениями учреждения. Прежде всего — это отделы, имеющие подсобные фонды и постоянных читателей. Учитывая, что библиотека — научно-исследовательское учреждение Национальной академии наук Украины, а ее читатели — это также ученые, аспиранты, студенты — значительная часть выставок посвящена научной тематике. Отдельные экспозиции посвящены конкретным научным направлениям.

Традиционно готовятся выставочные экспозиции серий «Региональная история и региональное краеведение Украины» и о национальных меньшинствах, проживающих на территории нашего государства. Освещаются проблемы экологии и охраны окружающей среды. Всегда актуальные вопросы истории и современности Украины, ее политических и экономических путей развития. Среди важных тем — энергетическое развитие и рекреационная экология в Украине, проблемы здоровья нации, политическая арена современной Украины и ее исторические и культурные связи с другими государствами.

Путем организации книжных выставок раскрывают свои фонды специализированные подразделения. Так, отдел газетных фондов отмечает важные, актуальные для нашего государства события, предлагая читателям тематические подборки публикаций; сотрудники отдела изобразительных искусств посвящают свои выставки юбилеям выдающихся мастеров, раскрывают свои фонды, экспонируя произведения искусства, проводят встречи с художниками и представляют их работы. Активную пропаганду своих фондов проводят специалисты отдела формирования музыкального фонда. Выставки музыкальных и нотных изданий сопровождают тематические концертные программы, которые систематически происходят в читальном зале подразделения. Свои богатые фонды посредством выставочных экспозиций раскрывают сотрудники Института рукописи и отдела старопечатных и редких изданий. Следует отметить, что такие выставки не только раскрывают уникальные фонды специализированных подразделений библиотеки, но и помогают пользователям в поиске документов, о которых они даже не догадывались. Пользуются спросом у специалистов выставочные экспозиции залов картографии и публикаций ООН, Австрийской и Иранской библиотек, отдела библиотечных собраний и исторических коллекций, Института архивоведения.

Для популяризации библиотечных фондов активно используются выездные книжные выставки, которые по заказам многочисленных организаций и учреждений готовят специалисты НБУВ. Только за последние годы такие выставки экспонировались в Президиуме НАН Украины, павильоне «Наука» Экспоцентра, Укринформе, Украинском доме, в Музейно-выставочном центре «Арсенал», Национальном заповеднике «София Киевская».

Эффективность выставочной работы для качественного информационного обеспечения пользователей в значительной степени зависит от рекламы. Используется традиционная библиотечная реклама в формате афиш и объявлений, инновационная — в формате новейших технологических средств, а именно — в электронном виде на плазме, а также на сайте НБУВ, где есть раздел о выставках, которые экспонируются в помещениях библиотеки.

В течение последнего десятилетия одной из ключевых тенденций современного развития человеческой цивилизации стало формирование новой информационной среды. Библиотеки теряют монополию на владение информацией в систематизированном виде. У потребителей информации появляется возможность выбора между обращением в библиотеку или к виртуальным ресурсам. Библиотека, конечно же, продолжает выполнение посреднических функций между информацией и читателем, но вынуждена приспосабливаться к новым реалиям и изменять формы своих услуг. Философия библиотечной работы, в том числе и выставочной, постепенно видоизменяется, переходя от принципа владения документом к принципу возможного доступа к нему в удаленном режиме. Появился новый уровень коммуникативных возможностей, а, следовательно, и потребностей. Сегодня каждая библиотека становится проводником новой культуры — культуры виртуального информационного обмена, виртуального чтения, виртуального общения и познания.

Выставочная деятельность библиотек была и остается сегодня важной составляющей библиотечного обслуживания. Поэтому библиотеки, вступив в новую виртуальную среду, попытались сразу же приспособить данный вид библиотечной услуги к новым реалиям. Через свою новизну, понятие «виртуальная книжная выставка» в современной библиотечной науке имеет различные трактовки [7]. Под данным понятием специалисты понимают и презентацию книг в электронном формате PowerPoint, и электронную выставку полностью оцифрованных изданий, и полные цифровые авторские коллекции произведений. Однако эта проблема требует отдельного рассмотрения,

поскольку у разных специалистов, в том числе и у автора данной статьи, по этому поводу есть свое, отличное от других, мнение.

Что же представляет собой электронная книжная выставка? Электронная (виртуальная) выставка — это синтез традиционного, книжного и новейшего электронного способов предоставления информации читателю библиотеки. Такая выставка мобильная, компактная, содержательная и является актуальным проводником в большом потоке информации. Средство распространения информации о виртуальных выставках — это специальный раздел на сайте Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского, где представлены аналитическая (аннотации к выставке или отдельных изданий) и визуальная (обложки) информация, а также библиографические данные.

Виртуальные выставки также готовят подразделения-фондодержатели параллельно с традиционными книжными выставками. Главное, что пользователи библиотеки могут посмотреть выставку и получить квалифицированную информацию о ней в режиме он-лайн.

Ориентация в информационных ресурсах, их анализ и оценка на основе определенных критериев, доступ к информационным ресурсам — такая новая формула импликации базовой функции библиотеки как активного субъекта информационного общества.

Список литературы:

1. Дворкина М.Я. Информационное обслуживание: социокультурный подход / М.Я. Дворкина // МГУКИ. М.: Профиздат, 2001 — 111 с. — Сер. «Современная библиотека» — Вып. 11.
2. Збаровская Н.В. Выставочная деятельность публичных библиотек / Н.В. Збаровская. СПб.: Профессия, 2004. — 224 с.
3. Збаровская Н.В. Виртуальные помощники / Н.В. Збаровская // Библиотека. — 2003. — № 10. — С. 45—47.
4. Новейшие тенденции в выставочной деятельности библиотек / ГПНТБ России ; сост. Е.М. Ястребова. М., 2006. — 102 с.
5. Зыков О. Выставочная работа публичных библиотек: опыт практического пособия. Л., 1990. — 55 с.
6. Матлина С.Г. Эффективность выставочной работы // Библиотека в школе. — 2005. — № 22. — С. 33—38.
7. Трачук Л. Виртуальна виставка: нова бібліотечна послуга бібліотеки / Л. Трачук // Вісник книжкової палати. — 2007. — № 11. — С. 36—39.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
XLIX-L международной научно-практической конференции

№ 5-6 (46)
Июнь 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 25.06.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,25. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3